

А ты смогла бы пойти на сделку
со смертью ради любви?

ОДНАЖДЫ РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ



Бестселлер №1 New York Times

СТЕФАНИ ГАРБЕР

Young Adult. Мировой бестселлер. Караваль

Стефани Гарбер

Однажды разбитое сердце

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гарбер С.

Однажды разбитое сердце / С. Гарбер — «Эксмо»,
2021 — (Young Adult. Мировой бестселлер. Караваль)

ISBN 978-5-04-168289-7

С детства Эванджелина верит в силу истинной любви. Пока не получает печальную весть: Люк, любовь всей ее жизни, женится на другой. Помолвка с ее сводной сестрой Марисоль явно связана с проклятием жестокой мачехи. Как быть? В отчаянии Эванджелина заключает сделку с коварным Принцем Сердец. Принц согласен расстроить нелепую свадьбу в обмен на три поцелуя Эванджелины, подаренных тому, кого он выберет сам в нужное время. Вскоре Эванджелина осознает, что торг с бессмертным равен вступлению в опасную игру, где на кону ее жизнь. Принц Сердец желает получить от девушки гораздо большее. И в конце ее ожидает либо величайшее на свете счастье, либо самая страшная в мире трагедия...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-168289-7

© Гарбер С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Предупреждения и знаки	6
Часть 1. Сказка об Эванжелине Фокс	7
1	7
2	13
3	18
4	20
5	21
6	22
7	29
8	35
9	38
10	44
Часть 2. Великолепный Север	46
11	46
12	52
13	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Стефани Гарбер

Однажды разбитое сердце

*Посвящается каждому, кто хотя бы раз принимал дурное решение
в пылу разбитого сердца*

Stephanie Garber
ONCE UPON A BROKEN HEART
Copyright © 2021 by Stephanie Garber
All rights reserved.

© Христофорова А., перевод на русский язык, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Предупреждения и знаки

Колокольчик, подвешенный снаружи лавки диковинных вещей, знал, что посетитель принес с собой несчастье, только по тому, как он вошел в дверь. У колокольчиков был непревзойденный слух, но этому звонкому малышу не требовалось особое мастерство, чтобы уловить грубое позвякивание аляповатой цепочки карманных часов, висевших на бедре у этого юноши, или суровое шарканье его сапог, когда он пытался бахвалиться, но преуспел лишь в том, что оцарапал пол лавки «Диковинные, причудливые и другие странные вещицы Максимилиана».

Этот молодой человек нес с собой губительные последствия для той девушки, что работала в лавке.

А колокольчик, в свою очередь, пытался ее предупредить. За целых две секунды до того, как юноша открыл дверь, отозвался звоном. В отличие от большинства людей эта лавочница выросла в окружении странностей – колокольчик давно подозревал, что и она сама слегка диковинная, вот только не мог определить, в чем именно это заключалось.

Девушка догадывалась, что многие предметы значат гораздо больше, чем кажутся, и что колокольчики обладают шестым чувством, которое людям неизвестно. Вот только, к ее несчастью, она верила в надежду, сказки и любовь с первого взгляда, а посему зачастую неправильно истолковывала перезвон колокольчика.

Сегодня он был совершенно уверен, что девушка уловила его предостерегающий тон. Но, судя по ее воодушевленной манере общения с юношей, она восприняла преждевременный звон за судьбоносный знак, а не за предупреждение.

Часть 1. Сказка об Эванжелине Фокс



1

Газета «Шёном»

ГДЕ ТЕПЕРЬ МОЛИТЬСЯ РАЗБИТЫМ СЕРДЦАМ?

Автор: Кутлас Найтлингер

Дверь в церковь Принца Сердец исчезла. Легендарный вход, выкрашенный в глубокий алый цвет разбитых сердец, попросту испарился в ночи в одной из самых почитаемых церквей района Храмов, оставив после себя лишь непроницаемую мраморную стену. Ни одна душа отныне не сможет войти внутрь...

Эванджелина спрятала газетную полосу двухнедельной давности в карман своей цветастой юбки. Дверь в конце обветшалого, потрепанного временем переулка виднелась едва ли выше ее роста и скрывалась за ржавыми железными решетками, а не была выкрашена, как должно, в рубиново-алый цвет. Но несмотря на это, она могла бы поспорить на отцовскую лавку диковинок, что это – та самая пропавшая дверь.

Во всем районе Храмов не сыскать ничего более непривлекательного. Каждый вход здесь был произведением искусства с резными панелями, узорчатыми архитравами¹, стеклянными маркизами² и позолоченными замочными скважинами. И даже ее отец, человек верующий, говаривал, что здешние храмы, будто вампиры, – созданы не для богослужения, а чтобы очаровывать и завлекать людей в свои сети. Но эта дверь отличалась от иных. Она представляла собой шероховатый кусок древесины с отвалившейся ручкой и облупившейся белой краской.

Эта дверь не желала, чтобы ее нашли.

Вот только ей не утаить от Эванджелины свое истинное «лицо».

¹ *Архитрав* – архитектурный термин, означающий горизонтальную перемычку, лежащую на капителях колонн.

² *Маркиза* – архитектурный элемент, представляющий собой крытый железом или стеклом колпак или навес.

Ее зазубренные очертания ни с чем было не спутать. С одной стороны – изогнутая дуга, с другой проходила косая зубчатая линия, что вместе создавало половинку разбитого сердца, – символ Принца Сердец, одного из богов и богинь Судьбы Мойр.

«Наконец-то».

Если бы надежда обладала парой крыльев, то они расправились бы за спиной Эванджелины, вновь поднимая ее ввысь. После двух недель поисков по всей Валенде она наконец-то отыскала ее.

Когда в городском «сплетнике», лежавшем в ее кармане, впервые появилась новость об исчезновении двери из церкви Принца Сердец, мало кто видел в этом происшествии что-то магическое. Статья размещалась на первой полосе бульварной газетенки, а посему люди сочли ее очередной байкой для привлечения пожертвований. Двери ведь не могли сами по себе исчезнуть.

Но Эванджелина верила, что очень даже могут. История не казалась хитроумной уловкой; она, напротив, напоминала ей знак, указывающий направление, в каком вести поиски, если хочет спасти свое сердце и мальчика, которому оно принадлежит.

Может быть, она и не сталкивалась с вескими доказательствами существования магии, не считая диковинок из лавки своего отца, но все же веровала, что она есть. Отец девушки, Максимилиан, всегда говорил о магии так, будто она реальна. А ее мать была родом с Великолепного Севера, где грань между сказками и историей стиралась. *«Все истории сотканы из правды и лжи, – любила говорить она. – Важно лишь то, во что веришь ты».*

А Эванджелина обладала особым даром – верить в то, что другие сочли бы мифами, как, к примеру, в бессмертие Мойр.

Она отворила металлическую решетку. У двери не было ручки, и ей пришлось просунуть руку между ее зазубренным краем и грязной каменной стеной.

Дверь прищемила ей пальцы, окропив их каплями крови, и Эванджелина готова была поклясться, что слышала, как некий голос вымолвил: *«Знаешь ли ты, во что собираешься ввязаться? Ничего, кроме разбитого сердца, ты здесь не получишь».*

Но сердце Эванджелины уже было разбито. И она осознавала риски, на которые идет. Как и знала правила посещения церквей богов и богинь Судьбы:

Всегда обещай меньше, чем можешь дать, ибо Мойры всегда берут больше.

Не заключай сделки больше чем с одной Мойрой.

И, что важнее всего, никогда не влюбляйся в Мойру.

Существовало шесть бессмертных богов и богинь Судьбы Мойр, и были они существами ревнивыми и собственническими. Ходила молва, что много веков назад, еще до их исчезновения, они правили частью мира с помощью магии, столь же зловещей, сколь и чудесной. Они никогда не нарушали условия сделок, хоть и причиняли зачастую боль тем, кто просил у них помощи. И все же большинство людей – и даже те, кто верил, что Мойры – не более чем миф, – рано или поздно так сильно впадали в отчаяние, что начинали молиться им.

Эванджелине всегда было любопытно взглянуть на их церкви, но, зная о меркантильной сущности богов и богинь Судьбы и Судьбоносных сделок, она избегала места поклонения им. До тех пор, пока две недели назад сама не стала одним из тех отчаявшихся людей, о которых всегда слагали истории.

– Пожалуйста, – прошептала она двери в форме сердца, наполняя свой голос дикой, искаленной надеждой, что и привела ее сюда. – Я знаю, какая тымышленная. Ты ведь позволила мне отыскать тебя. Впусти меня.

Она в последний раз дернула деревяшку.

И на этот раз дверь поддалась.

Сердце Эванджелины бешено заколотилось в груди, когда она сделала первый шаг. Во время поисков пропавшей двери она вычитала, что церковь Принца Сердец уготовила каждому

посетителю свой особый аромат. Предполагалось, что запах этот отражает самую глубочайшую сердечную боль человека.

Но когда Эванджелина ступила в прохладное помещение церкви, в воздухе ничего не напомнило ей о Люке – ни намек на замшу или ветивер. Тусклый проход церкви отдавал лишь сладостью и металлом: ароматом яблок и крови.

Мурашки пробежали по ее рукам. Это ни капли не вязалось с тем мальчиком, которого она любила. Должно быть, легенды, которые она прочла, были неверными. Но разворачиваться обратно не стала. Она знала, что Мойры – вовсе не святые или спасители, хоть и надеялась, что Принц Сердец окажется милосерднее остальных.

Шаги уводили ее дальше в глубь церкви. Все вокруг было ослепительно белым. Белые ковры, белые свечи, белые скамьи для прихожан, высеченные из белого дуба, белой осины и слоистой белой березы.

Ряд за рядом Эванджелина проходила мимо разномастных белых скамеек. Возможно, когда-то они были красивыми, но у многих из них теперь не хватало ножек, на других лежали обезображенные подушки, а некоторые и вовсе были расколоты пополам.

Сломанная.

Сломанная.

Сломанная.

Неудивительно, что дверь не хотела пускать ее внутрь. Церковь эта не была зловещей, она, скорее, была печальной...

Тишина, окутавшая помещение, резко оборвалась.

Эванджелина обернулась, подавив вздох.

В нескольких рядах позади нее, в тенистом углу, стоял молодой человек, судя по всему, переживавший глубокую скорбь или совершавший некий акт покаяния. Непослушные пряди золотистых волос спадали ему на лицо, пока он, склонив голову, рвал пальцами рукава своего бордового пальто.

Сердце Эванджелины сжалось, когда она посмотрела на него. В ее душу закралось искушение спросить у парня, не нужна ли ему помощь. Но он, вероятно, избрал угол, лишь бы не привлекать внимание.

А у нее оставалось не так много времени.

В церкви не наблюдалось часов, но Эванджелина готова была поклясться, что слышала тиканье секундной стрелки, которая неустанно стирала драгоценные секунды до свадьбы Люка.

Она спешно прошла вдоль неф³ к апсиде⁴, где прерывались ряды изломанных скамей и где перед ней возвысился сияющий мраморный помост. Платформа была девственно чистой, окутанной светом свечей из пчелиного воска и окруженной четырьмя ребристыми колоннами, что охраняли статую бога Судьбы – Принца Сердец – величиной больше его реального роста.

По затылку вновь пробежали мурашки.

Эванджелина знала, как он должен выглядеть. В лавке диковинок ее отца совсем недавно появился новый, излюбленный многими товар – Колода Судьбы, набор карт с изображениями Мойр для предсказания. Карта Принца Сердец предрекала безответную любовь, и на ней бог Судьбы представал во всей своей трагической красоте: с ярко-голубыми глазами, полными слез, окрашенных кровью, как и уголок его угрюмых губ, где она запеклась навечно.

На этой сияющей статуе кровавых слез не было. Но его лицо, тем не менее, отличалось такой беспощадной красотой, которая, по меркам Эванджелины, была под стать полубогу, способному убить поцелуем. Изгиб мраморных губ Принца складывался в идеальную усмешку, от

³ *Неф* – продольная и удлиненная часть интерьера храма, ограниченная (с одной или двух сторон) рядом колонн.

⁴ *Апсида* – примыкающий к основному объему здания пониженный выступ полукруглой, граненой либо сложной формы в плане; этим термином почти всегда обозначаются лишь алтарные объемы.

которой должно веять холодом, жесткостью и резкостью, но чуть пухлая нижняя губа выдавала намек на мягкость – она выпячивалась, как смертоносное приглашение.

Согласно мифам, Принц Сердец не способен был любить, потому как его сердце давно перестало биться. И лишь одно могло заставить его биться – единственная настоящая любовь. Его поцелуй приносил смерть каждой девушке, кроме той самой – единственной его слабости, – и пока он пытался разыскать свою суженую, за ним тянулся шлейф трупов.

Эванджелина не могла себе представить более трагичного существования. Если кто из Мойр и способен проникнуться сочувствием к ее положению, то это Принц Сердец.

Взгляд упал на изящные мраморные пальцы, сжимавшие кинжал размером с ее предплечье. Острие лезвия было направлено вниз, к стоящей на конфорке каменной чаше для подношений, под которой виднелся круг пляшущих языков белого пламени. На боку были высечены слова: «*Кровь за молитву*».

Эванджелина тяжело вздохнула.

Ради этого она пришла сюда.

Она прижала палец к кончику лезвия. Острый мрамор пронзил кожу, и капля за каплей полилась вниз кровь, бурля и шипя, еще больше наполняя воздух металлом и сладостью.

Какая-то часть ее надеялась, что эта подать вызовет магическое представление. Что статуя вдруг оживет или голос Принца Сердец наполнит церковь. Но ничто не двигалось, кроме языков пламени на стене из свечей. Она даже не слышала страданий юноши в глубине церкви. Тут были лишь она и статуя.

– Дорогой... Принц, – запинаясь, выговорила она. Эванджелина никогда ранее не молилась богам и богиням Судьбы и не хотела ошибиться сейчас. – Я здесь потому, что мои родители погибли.

Эванджелина вздрогнула. Это не те слова, с которых она должна была начать.

– Я хотела сказать, что оба моих родителя ушли из жизни. Маму я потеряла несколько лет назад. Затем потеряла отца, буквально в прошлом сезоне. А теперь и вовсе на волоске от потери парня, которого люблю.

– Люк Наварро... – Ее горло сжалось, когда она произнесла это имя вслух и представила его кривую улыбку. Быть может, будь он невзрачнее, или беднее, или более жестоким, ничего бы этого не произошло. – Мы держали наши отношения в тайне. Я должна была скорбеть по отцу. И вот, чуть больше двух недель назад, в день, когда мы собирались сообщить нашим семьям, что любим друг друга, моя сводная сестра Марисоль объявила об их с Люком свадьбе.

Эванджелина сделала паузу и закрыла глаза. Эта новость по-прежнему кружила ей голову. Столь скорые помолвки не были какой-то редкостью. Марисоль была девушкой миловидной и, несмотря на свою сдержанность, довольно доброй – куда добрее мачехи Эванджелины, Агнес. Но Эванджелина никогда не видела, чтобы Люк и Марисоль проводили время вместе в одной комнате.

– Знаю, как это звучит, но Люк любит меня. Я полагаю, на него наложили проклятье. Мы не говорили с тех пор, как объявили новость о помолвке, и он даже не желает меня видеть. Не знаю, как ей удалось, но я уверена, что это дело рук моей мачехи.

У Эванджелины не было на руках никаких доказательств того, что Агнес – ведьма и околдовала Люка. Но она ни капли не сомневалась в том, что мачеха прознала об их отношениях и желала, чтобы Люк и титул, который он однажды унаследует, достались ее дочери.

– Агнес возненавидела меня с тех пор, как умер мой отец. Я пыталась поговорить с Марисоль о Люке. Не думаю, что она в отличие от моей мачехи способна намеренно причинить мне боль. Но всякий раз, когда пытаюсь открыть рот и завести этот разговор, слова не выходят, как будто они или я сама тоже прокляты. Поэтому я здесь, молю о помощи. Сегодня состоится свадьба, и мне нужно, чтобы ты ее остановил.

Эванджелина открыла глаза.

Безжизненная статуя никак не изменилась. Она знала, что статуи обычно не шевелятся. И все же не могла отделаться от мысли, что он должен был хоть как-то отреагировать: сдвинуться, заговорить или хотя бы поводить своими мраморными глазами.

– Пожалуйста, ты ведь понимаешь, каково это – жить с разбитым сердцем. Прошу, помешай Люку жениться на Марисоль. Спаси мое сердце, чтобы оно не разбилось вновь.

– Какая патетическая речь. – Два медленных хлопка раздалось вслед за неторопливым голосом, прозвучавшим почти в метре от нее.

Эванджелина резко обернулась, и кровь отхлынула от ее лица. Она не ожидала увидеть его – парня, что рвал на себе одежду в дальнем углу церкви. Хотя ей с трудом верилось, что перед ней стоит тот же самый человек. Ей казалось, что парень тот бился в агонии, но он, по всей видимости, вырвал всю свою боль вместе с рукавами пальто, остатки которого теперь ключьями висели поверх полосатой черно-белой рубашки, небрежно заправленной в бриджи.

Он сидел на ступенях помоста, лениво прислонившись к одной из колонн и вытянув свои длинные худошавые ноги. Его волосы отливали золотом и были взлохмачены, чересчур яркие голубые глаза налились кровью, а уголки губ – слегка вздернуты, будто юноша чем-то недоволен, но при этом находил удовольствие в той мимолетной боли, которую причинил ей. Он выглядел скучающим, богатым и жестоким.

– Хочешь, я встану и покручусь, чтобы ты могла всего меня рассмотреть? – дразнил он.

Щеки Эванджелины мгновенно окрасились румянцем.

– Мы в церкви.

– При чем здесь это? – Одним изящным движением молодой человек полез во внутренний карман своего изорванного бордового пальто, достал чистое белое яблоко и откусил один кусочек. Темно-красный сок стекал с фрукта по его длинным бледным пальцами, а затем – на нетронутые мраморные ступени.

– Прекрати! – Эванджелина не хотела кричать. Она, может, и не стеснялась незнакомых людей, но обычно избегала ссор с ними. Но с этим бесцеремонным юношей это, похоже, не работало. – Ты проявляешь неуважение.

– А ты молишься бессмертному, который убивает каждую девушку, которую целует. Неужели считаешь, что он заслуживает какого-то почтения?

Грубый молодой человек подкрепил свои слова еще одним куском яблока.

Она старалась не обращать на него внимания. Пыталась изо всех сил. Но словно какая-то жуткая магия овладела ею. Вместо того чтобы уйти, Эванджелина представила, как незнакомец вместо своей закуски захватывает ее губы и целует своим фруктово-сладким ртом, пока она не умрет у него на руках.

«Нет. Этого не может быть...»

– Ты снова пялишься, – промурлыкал он.

Эванджелина тут же отвела взгляд, обратившись в сторону мраморной резьбы. Несколько минут назад от одного взгляда на губы этой фигуры у нее замирало сердце, а теперь он казался обычной статуей, безжизненной по сравнению с этим порочным молодым человеком.

– На мой взгляд, я гораздо красивее. – Внезапно молодой человек встал прямо рядом с ней.

В животе у Эванджелины затрепетали бабочки. Напуганные. Бешено машущие и сильно хлопающие крыльями, они служили предупреждением, что нужно убираться оттуда, уносить ноги, спасаться бегством. Но она не могла отвести взгляд.

Вблизи он был неоспоримо притягателен, а еще – выше ростом, чем она предполагала. Парень искренне улыбнулся ей, отчего на щеках его выступили ямочки, которые на мгновение сделали его похожим скорее на ангела, чем на дьявола. Но Эванджелина поразмыслила, что даже ангелам стоит остерегаться его. Она представила, как он, блистая этими коварными ямочками, обманом заставляет ангела отказаться от крыльев, чтобы поиграть с перьями.

– Это ты, – прошептала она. – Ты – Принц Сердец.

2

Принц Сердец откусил последний кусочек от яблока, прежде чем оно упало на пол и забрызгало все красным соком.

– Люди, которым я не по душе, зовут меня Джекс.

Эванджелина хотела сказать, что он вовсе не неприятен ей и даже напротив – нравился больше остальных богов и богинь Судьбы. Но это был не тот Принц Сердец, страдающий от любви, которого она себе представляла. Джекса трудно было назвать ожившим воплощением разбитых сердец.

Неужели все это было лишь злой шуткой? Ведь Мойры якобы исчезли с лица земли много веков назад. Однако все, что носил Джекс, – от его развязанного шейного платка до высоких кожаных сапог – было подобрано по последней моде.

Ее глаза метались по белой церкви, словно друзья Люка могли в любой момент ворваться сюда, чтобы поглумиться над ней. Люк был единственным сыном знатного господина, и пусть он никогда не давал повода считать, будто этот факт играет какую-то роль для Эванджелины, молодые люди, с которыми он водил компанию, считали ее недостойной. Отец Эванджелины владел несколькими лавками по всей Валенде, поэтому ее семья никогда не бедствовала. Но не принадлежала высшему слою общества, как Люк.

– Если ищешь выход, потому что образумилась, я не стану тебя останавливать. – Джекс закинул руки за свою златовласую голову, прислонился спиной к статуе самого себя и усмехнулся.

Ее живот тревожно сжался, предупреждая, что не следует обманываться его обманчивой улыбкой с ямочками или рваной одеждой. Он был самым опасным существом из всех, кого она когда-либо встречала.

Эванджелина не думала, что он убьет ее, – она бы никогда не пошла на такую глупость, чтобы позволить Принцу Сердец поцеловать себя. Но знала, что если останется и заключит сделку с Джексом, то он навсегда уничтожит какую-то ее часть. Но Люка по-другому было никак не спасти.

– Какова будет цена твоей помощи?

– Разве я сказал, что помогу тебе? – Его взгляд остановился на кремовых лентах, что тянулись от туфель вверх по ее ногам, обвивая лодыжки и исчезая под подолом юбки. На ней было одно из старых платьев матери, расшитое узором из бледно-фиолетового чертополоха, крошечных желтых цветков и маленьких лисичек.

Уголок рта Джекса неприязненно искривился и застыл в таком виде, пока он осматривал ее волосы, которые она сегодняшним утром тщательно завилла горячими щипцами.

Эванджелина старалась не чувствовать себя оскорбленной. Из непродолжительного опыта общения с богом Судьбы она подозревала, что этот бог весьма скептически относится ко многим вещам.

– Какого они цвета? – Он небрежно махнул в сторону ее кудрей.

– Золотисто-розовые, – воодушевленно ответила она. Эванджелина никогда и никому не позволяла вызвать у нее негативные чувства по отношению к ее необычному цвету волос. Мачеха постоянно пыталась заставить ее перекрасить волосы в каштановый. Но локоны Эванджелины, волнами нежно-розового цвета с бледно-золотистыми вкраплениями спадающие по плечам, больше всего нравились в ее внешности.

Джекс склонил голову набок, продолжая хмуро рассматривать ее.

– Ты родилась в Меридианной империи или на Севере?

– Разве это имеет значение?

– Назови это любопытством.

Эванджелина поборола в себе желание нахмуриться в ответ на его насупленный взгляд. Обычно ей нравилось отвечать на этот вопрос. Отец Эванджелины, любивший создавать впечатление, что ее жизнь – это сказка, всегда подтрунивал, что нашел дочку упакованной в ящик вместе с другими диковинками, доставленными в его лавку, – вот почему она стала обладательницей розовых волос, утверждал он. А мама ее всегда кивала, подмигивая в ответ.

Эванджелина скучала по этим заигрываниям мамы и шуткам отца. Она скучала по всему, что было связано с ними, хоть и не хотела делиться с Джексом ни единой, даже крошечной деталью.

Вместо ответа она лишь пожала плечами.

Брови Джекса резко поползли вниз.

– Ты не знаешь, где родилась?

– Это обязательное условие, чтобы получить помощь?

Он снова оглядел девушку, на этот раз задержавшись взглядом на ее губах. Но Джекс смотрел на нее не так, словно хотел поцеловать. Его взгляд был слишком оценивающим. Он смотрел на ее губы так, как люди изучают товары в одной из лавок ее отца, будто они были вещью, которую можно купить, – вещью, которая может принадлежать лишь ему.

– Скольких людей ты целовала? – спросил он.

Крошечный огонек тепла опалил шею Эванджелины. Она работала в отцовской лавке диковинок с двенадцати лет. Ее воспитывали не совсем как подобает юной леди: она отличалась от своей сводной сестры, которую учили всегда держаться на расстоянии метра от джентльмена и никогда не водить беседы о чем-то более скандальном, чем погода. Родители поощряли в Эванджелине любознательность, авантюризм и дружелюбие, но ее смелость проявлялась не во всем. Некоторые вещи все же тревожили душу девушки, и то, как пристально Принц Сердец рассматривал ее рот, входило в их число.

– Я целовалась только с Люком.

– Прискорбно.

– Люк – единственный, кого мне хочется целовать.

Джекс почесал свой острый подбородок, глядя на нее с сомнением в глазах.

– Я почти готов тебе поверить.

– К чему мне лгать?

– Все лгут. Люди полагают, что я с большей вероятностью помогу им, если они пожелают чего-то благородного, настоящая любовь тому пример. – В его голос закрался намек на насмешку, что еще сильнее подпортило образ Принца Сердец, который она себе воображала. – Но даже если ты действительно любишь этого парнишку, тебе будет лучше без него. Люби он тебя в ответ, то не стал бы жениться на другой. Конец истории.

– Ты ошибаешься. – В ее голосе была та же уверенность, что и на сердце. Эванджелина сомневалась в своих отношениях с Люком после его неожиданной помолвки с Марисоль, но сомнения таяли на фоне столь значимых воспоминаний, накопившихся за все те месяцы, что они пробыли вместе. В ту роковую ночь, когда умер отец Эванджелины, – ночь, когда ее сердце неустанно колотилось и болело, – Люк нашел ее бродящей вдоль витрин лавки диковинок в поисках лекарства от разбитых сердец. Слезы текли по ее щекам из покрасневших глаз. Она боялась, что плач ее оттолкнет парня, но он, напротив, притянул Эванджелину в свои объятия и сказал: *«Не знаю, смогу ли исцелить твое разбитое сердце, но ты можешь забрать мое, ведь оно уже принадлежит тебе».*

Эванджелина давно знала, что любит его, но именно в тот момент поняла, что Люк питает те же чувства. Его слова могли быть позаимствованы из прославленного романа, но он подкрепил их искренними поступками. Помог собрать кусочки ее сердца воедино в ту ночь и во многие последующие ночи тоже. И теперь Эванджелина решительно намеревалась помочь ему. Предложения руки и сердца и помолвки не всегда являлись проявлением настоящей любви,

но она знала, что те моменты, которые они разделяли вместе с Люком, в самом деле говорили об этом чувстве.

Он несомненно был проклят. Каким бы безумным или глупым это ни казалось остальным, проклятье – единственное объяснение, в которое она могла поверить. То, что он не мог хотя бы поговорить с ней или что каждый раз, когда Эванджелина порывалась поделиться с Марисоль правдой, слова не вылетали из ее открытого рта, – абсолютная бессмыслица.

– Пожалуйста. – Умолять было не в ее духе. – Помоги мне.

– Не думаю, что твои мольбы помогут. Но я ценю правое гиблое дело. Я остановлю свадьбу в обмен на три поцелуя. – Глаза Джекса игриво блеснули, вернувшись к ее губам.

Щеки Эванджелины вновь запылали румянцем. Выходит, она ошиблась в отношении того, что он не хочет целовать ее. Но если истории были правдивы, то одного его поцелуя хватит, чтобы принести ей смерть.

У Джекса вырвался резкий короткий смешок.

– Расслабься, лапочка, я не хочу целовать тебя. Это убьет тебя, и тогда ты станешь весьма бесполезной для меня. Я хочу, чтобы ты поцеловала трех *других*. Тех, кого выберу я. В то время, которое выберу я.

– И какого рода поцелуй? Достаточно просто прикосновения губ... или нечто большее?

– Если ты полагаешь, что они считаются, тогда тебе никогда не довелось целоваться по настоящему. – Джекс оттолкнулся от статуи и подошел ближе, снова возвышаясь над Эванджелиной. – Поцелуй без языка – ненастоящий.

Румянец, с которым она неистово боролась, разгорался все сильнее, пока ее шея, щеки и губы не запылали огнем.

– Почему колеблешься, лапочка? Это всего лишь поцелуй. – Голос Джекса прозвучал так, словно он сдерживал очередной смешок. – Либо этот Люк ужасно орудует своим языком, либо ты попросту боишься согласиться слишком быстро, потому что эта идея втайне полюбила тебя.

– Мне не полюбила эта идея...

– Значит, твой Люк отвратно целуется?

– Люк целуется замечательно!

– Откуда тебе знать, если не с чем равнять? Если ты, в конечном счете, останешься с Люком, то, возможно, даже пожалеешь, что я не попросил тебя поцеловать больше трех человек.

– Я не хочу целоваться с незнакомцами – Люк, единственный человек, которого желаю.

– Тогда это не такая большая цена, – категорично сказал Джекс.

Он был прав, но Эванджелина не могла просто так согласиться с этим. Отец учил всегда, что боги и богини Судьбы не определяют чью-либо судьбу, хоть это и следовало из имени. Вместо этого они способны были распахнуть дверь в новое будущее. Но пути, открывавшиеся Мойрами, не всегда вели туда, куда люди ожидали, – и зачастую приводили к новым отчаянным сделкам в попытках исправить неудачи от первоначальных. Таких историй ходило несчетное множество, и Эванджелина не хотела, чтобы это повторилось и с ней.

– Я не хочу, чтобы кто-то погиб, – сказала она. – Ты не можешь остановить свадьбу, поцеловав там кого-нибудь.

Джекс выглядел разочарованным.

– Даже твою сводную сестрицу?

– Нет!

Он поднес пальцы ко рту и провел ими по нижней губе, скрыв частично свои эмоции, которые могли выражать как раздражение, так и удовольствие.

– Ты не в том положении, чтобы торговаться.

– А я-то думала, боги Судьбы любят сделки, – возразила она.

– Только когда мы устанавливаем правила. Тем не менее у меня сегодня хорошее настроение, посему я выполню твою просьбу. Но хочу узнать кое-что еще. Как ты заставила дверь впустить тебя?

– Вежливо попросила.

Джек потерял уголок подбородка.

– И это все? Ты не находила ключ?

– Я даже не видела замочной скважины.

Нечто, похожее на ликование, мелькнуло в глазах Джекса, а затем он схватил девушку за запястье и поднес его к своим холодным губам.

– Что ты делаешь? – воскликнула Эванджелина на одном дыхании.

– Не волнуйся, я не собираюсь тебя целовать. – Его губы коснулись нежной кожи на тыльной стороне запястья. Один раз. Два. Три раза. Едва уловимое прикосновение, но было в нем что-то невероятно интимное. Это и заставило ее вспомнить другие истории, где говорилось, что хоть его поцелуй и несет смерть, но стоят того, чтобы за них умереть. Джек нарочно скользил туда-сюда вдоль ее учащенно пульсирующих вен своими прохладными губами, такими бархатистыми и нежными, и... острыми зубами вонзился в ее кожу.

– Ты укусил меня! – вскрикнула она.

– Расслабься, лапочка, я не пролил ни капли крови. – Его глаза засияли ярче, когда он отпустил запястье девушки.

Она провела пальцами по нежной коже, куда только что впились его зубы. Три тонких белых шрама, в форме крошечных разбитых сердец, украшали нижнюю часть ее запястья. *«По одному на каждый поцелуй».*

– Когда... – Эванджелина подняла голову.

Но Принц Сердце уже исчез. Она не видела, как он уходит, лишь услышала, как хлопнула церковная дверь.

Она получила то, что хотела.

Но почему же тогда не стало легче?

Эванджелина поступила правильно. Люк любил ее. Она не могла поверить, что парень женился на Марисоль по собственной воле. Дело было вовсе не в том, что Эванджелине не нравилась Марисоль. По правде говоря, она почти не знала свою сводную сестру. Примерно через год после смерти матери отец Эванджелины вбил себе в голову, что должен вновь обзавестись женой, которая присмотрит за его дочерью, если с ним вдруг что-то случится. Она до сих пор помнила то беспокойство, которое вытеснило в его глазах свет, будто отец знал, что ему осталось недолго.

Отец был женат на Агнес всего шесть месяцев, прежде чем умер. За это время Марисоль ни разу не посетила лавку диковинок, где Эванджелина проводила большую часть своего дня. Марисоль утверждала, что у нее аллергия на пыль, но на деле была слишком пугливой в отношении всех странностей, и Эванджелина подозревала, что истинная причина кроется в страхе ее сводной сестры перед проклятиями и всем сверхъестественным. В то время как они с Люком всегда шутили, что если на них когда-нибудь обрушатся злые чары, то это станет лишь доказательством существования магии.

И было до смешного грустно, что у Эванджелины теперь есть это доказательство, но нет Люка.

Даже если бы Джек возвратился и позволил ей передумать, это бы ничего не изменило. Принц сказал, что остановит свадьбу, и обещал никого не убивать.

И все же... Эванджелина не могла избавиться от предчувствия, что совершила ошибку. Нет, она не думала, что согласилась слишком поспешно, но видела перед собой лишь пляшущий в глазах Джекса блеск в тот момент, когда он держал ее запястье.

Эванджелина бросилась бежать со всех ног.

Она не знала, что собирается делать или почему ей внезапно стало так дурно на душе. Эванджелина знала только то, что ей необходимо снова поговорить с Джексом прежде, чем он помешает свадьбе.

Находишься она в самой обычной церкви, то, вполне возможно, быстро бы нагнала его. Но это была церковь бога Судьбы, защищенная магической дверью, которая, казалось, обладала собственным разумом. Когда она открыла ее, дверь не вернула Эванджелину в район Храмов. Дверь выплюнула ее в старую запущенную аптеку, с витающей в воздухе пылью, пустыми склянками повсюду и тикающими часами.

Тик. Так. Тик. Так. Тик. Так.

Никогда еще секунды не пролетали столь быстро. Между ударами секундной стрелки магическая дверь, через порог которой она только что переступила, исчезла, и на ее месте появилось зарешеченное окно, выходящее на ряд кривых, словно зубы, улиц. Она находилась в квартале Пряностей – на противоположном конце города от того места, где должна была состояться свадьба Люка и Марисоль.

Эванджелина выругалась, сорвавшись из этого места прочь.

Когда пересекла весь город и добралась до своего дома, она боялась, что уже опоздала.

Марисоль и Люк собирались произнести свои клятвы в саду ее матери, в беседке, что возвел ее отец. Ночью здесь всегда стрекотали сверчки, а днем – щебетали птицы. Сейчас, войдя в сад, Эванджелина слышала их трель, но ни единого человеческого голоса. Лишь грациозные птицы весело порхали вокруг беседки, а затем садились на гранитные статуи.

У Эванджелины подкосились ноги.

Раньше в этом саду не было никаких статуй. Но теперь их стояло девять, и все они держали в руках кубки, словно только что закончили произносить тост. Каждое лицо было пугающе реалистичным и до ужаса знакомым.

Эванджелина с отвращением наблюдала, как жужжащая муха приземлилась на лицо статуи, напоминавшей Агнес, а затем перелетела на один из гранитных глаз Марисоль.

Джекс остановил свадьбу, обратив всех в камень.

3

В венах Эванджелины от ужаса стыла кровь.

Муха улетела, а серая птица такого же блеклого цвета, как и сами статуи, забралась на цветочный веноч в волосах Марисоль и начала клевать его.

Может, они с Марисоль и не были близки, – а может, Эванджелина даже относилась к сводной сестре более ревностно, чем хотела признать, – но она всего лишь хотела помешать свадьбе. Она не желала обращать сестру в камень.

Когда Эванджелина встала перед статуей Люка, ее грудь сжалась от боли и стало трудно дышать. Обычно он выглядел таким беззаботным, но сейчас на его каменном лице застыла тревога: гладкая челюсть была напряжена, глаза – зажмурены, а между гранитными бровями образовалась складка.

Он шевелился.

Его каменные губы разомкнулись, словно он пытался заговорить, сказать ей что-то...

– Еще минута, и он перестанет дергаться.

Эванджелина метнула свой взгляд к задней части беседки.

Джекс непринужденно прислонился к решетке, увитой голубыми цветами, напоминающими облака, и кусал очередное ослепительно белое яблоко. Выглядел он, с одной стороны, как скучающий молодой аристократ, а с другой – как злобный полубог.

– Что ты наделал? – напористо спросила Эванджелина.

– Именно то, о чем ты просила. – Он снова откусил яблоко. – Сделал так, чтобы свадьба не состоялась.

– Ты должен это исправить.

– Не могу. – Его ответ был лаконичен, как будто он устал уже от этого разговора. – Я обратился за помощью к другу, который мне задолжал. Это можно исправить, только если кто-то займет их место. – Джекс бросил взгляд на участок зелени рядом с беседкой, где на трухлявом пне покоился медный кубок.

Эванджелина подошла ближе к сосуду.

– Что ты делаешь? – Джекс оттолкнулся от решетки, уже не так безразлично наблюдая за тем, как Эванджелина рассматривает кубок.

Если она выпьет из него, то все вернется на круги своя?

– Даже не думай об этом. – Его голос внезапно стал резким. – Если выпьешь и займешь их место, никто тебя не спасет. Ты навек обратишься в камень.

– Но я не могу оставить их в таком виде. – Эванджелина отчасти разделяла мнение Джекса. Она не хотела становиться статуей в саду. У нее не хватило духу даже поднять кубок, когда она прочла выгравированные на его боку слова:

*Яд
Не пей меня*

Из него исходил запах серы, и она сильно сомневалась, что осмелится выпить эту мерзкую жидкость. Но сможет ли жить в ладу с собой, если позволит им всем остаться во власти проклятия?

Эванджелина перевела взгляд с птицы, продолжавшей клевать свадебный венец Марисоль, на Люка и взглянула на застывшую на его лице мольбу о помощи. Родители Люка стояли по обе стороны от него. А рядом – злополучный свадебный священник, которому довелось благословлять не тот брачный союз. Эванджелина не хотела испытывать жалость ни к трем друзьям Люка, ни к собственной мачехе. Но даже если не любовь сподвигла ее отца жениться

на Агнес, он бы все равно это непременно возненавидел. Оба ее родителя были бы крайне разочарованы тем, что вера Эванджелины в магию привела именно к такому исходу.

– Это не то, чего я хотела, – прошептала она.

– Ты смотришь на ситуацию не с той стороны, лапочка. – Джекс уронил недоеденное яблоко, и оно покатилося по полу беседки, пока не врезалось в каменный сапог Люка. – Как только история получит огласку, каждый в Меридианной империи захочет тебе помочь. Ты станешь девушкой, что потеряла свою семью по вине ужасного бога Судьбы. Возможно, тебе не быть с Люком, но скоро ты о нем забудешь. Поскольку твоя мачеха и сводная сестра – куски камня, я полагаю, ты унаследуешь немного денег. К завтрашнему утру ты станешь известной, да еще и безбедной.

Джекс сверкнул своими ямочками, как будто и впрямь оказал ей услугу.

Эванджелина снова почувствовала себя дурно.

В легендах Мойры были злыми богами, которые хотели творить лишь хаос и беспорядки. Но *это* было тем, чего людям стоило бояться. Эванджелина смотрела на человеческие статуи и находила в них нечто ужасное, в то время как Джекс видел в этом пользу. Мойры были опасны не потому, что они злодеи, – Мойры были опасны потому, что они не могли отличить зло от добра.

Но Эванджелина знала разницу. Как и знала то, что иногда между добром и злом существует размытый, словно туман, промежуток. Именно в этот промежуток, как ей казалось, она попала тем утром, когда зашла в церковь Джекса, чтобы молить об услуге. Но она совершила ошибку, и теперь настало время ее исправить.

Эванджелина подняла кубок.

– Поставь на место, – предупредил Джекс. – Ты не хочешь этого делать. Не хочешь быть героем, тебе нужен лишь счастливый финал – вот почему ты пришла ко мне. А если сделаешь это, то его никогда не случится. У героев не бывает счастливого конца. Они дарят их другим людям. Ты действительно этого хочешь?

– Я хочу спасти парня, которого люблю. Мне остается только надеяться, что он тоже захочет меня спасти. – Прежде чем Джекс успел остановить ее, Эванджелина выпила содержимое кубка.

На вкус яд был еще хуже, чем запах, – как жженые кости и потерянная надежда. Ее горло сжалось, она с трудом могла дышать, а затем и двигаться.

Ей показалось, что Джекс покачал головой, но убедиться в этом не нашлось возможности. В глазах помутнело. Черные струйки заполонили сад, растекаясь, как сбежавшие чернила. Тьма, повсюду расползалась тьма. Словно ночь, без луны и звезд.

Эванджелина пыталась убедить себя, что поступила правильно. Она спасла девять человек. Один из них спасет и ее.

– Я предупреждал тебя, – пробормотал Джекс. Она услышала его расстроенный вздох, услышала, как он пробормотал «Сожалею». А после...

Она не услышала ничего.

4

По крайней мере, Эванджелина сохранила способность думать. Хоть иногда способность и причиняла боль. Обычно это случалось после нескольких дней бесконечного опустошения, когда Эванджелине казалось, что она наконец-то что-то почувствовала. Но никогда это не было тем, что ей в самом деле хотелось ощутить. Ни тепла на ее коже, ни покалывания в кончиках пальцев или прикосновения другого человека, дающего ей понять, что она в этом мире не одинока. Чаще всего это была острая боль в разбитом сердце или шепотка сожаления.

Сожаление было хуже всего.

Сожаление отдавало кислотой и горечью и вкусом так сильно напоминало правду, что ей приходилось бороться, чтобы не утонуть в нем. Ей приходилось сражаться с верой в то, что Джекс был прав, – что ей не следовало трогать кубок, что нужно было позволить остальным упокоиться в каменных глыбах и сыграть роль жертвы.

Джекс ошибался.

Она поступила правильно.

Кто-нибудь спасет ее.

Иногда, в моменты отчаянной надежды, Эванджелина даже думала, что Джекс сам придет ей на помощь. Но какой бы сильной ни была надежда, Эванджелина знала, что Принц Сердец – не спаситель. Он был тем, от кого нужно спасаться.

5

А затем... Эванджелина почувствовала что-то, что не было ни болью в разбитом сердце, ни сожалением.

6

Что-то, напоминавшее луч света, щекотало ее кожу.

Ее кожу.

Эванджелина чувствовала свою кожу.

Она ничего не чувствовала уже... она даже не знала, сколько минуло с тех пор времени. Так долго ее окутывало лишь «ничего», но теперь Эванджелина чувствовала все. Веки. Лодыжки. Локти. Губы. Ноги. Кости. Кожу. Легкие. Сердце. Волосы. Вены. Коленные чашечки. Мочки ушей. Шею. Грудь.

Она дрожала от подбородка до кончиков пальцев ног. Ее кожа была покрыта потом, и это казалось самым невероятным ощущением – прохладным, влажным и живым.

Она снова была жива!

– С возвращением! – Твердая рука обхватила Эванджелину за талию, пока ее ватные ноги вновь привыкали к тому, что они состоят из костей и мышц.

Затем прояснилось зрение.

Возможно, она просто давно не видела лица, но обнимавший ее молодой человек был необычайно красив – смуглая кожа, глаза, обрамленные ободком густых ресниц, улыбка, намекавшая на целый арсенал обаяния. Плечи парня покрывал эффектный зеленый плащ с узором из медных листьев, таких же ослепительных, как и его лицо.

– Ты можешь говорить? – спросил он.

– Почему... – Эванджелина прокашлялась, чтобы прочистить горло от каменного осадка. – Почему ты выглядишь, как лесной маг?

Она поморщилась, стоило словам сорваться с губ. Очевидно, некоторые из ее чувств – способность фильтровать речь, например, – еще не могли справиться со своей задачей. Этот незнакомец спас ее. Она надеялась, что не оскорбила его.

К ее радости, блистательная улыбка парня стала только шире.

– Отлично. Иногда голос возвращается не сразу. Теперь скажи мне свое полное имя, дорогая. Я должен убедиться, что с твоей памятью все в порядке, прежде чем отпущу тебя.

– Куда? – Эванджелина попыталась рассмотреть окружающую обстановку. Казалось, что она находится в лаборатории. Каждый рабочий стол и аптекарские полки были уставлены пузыряющимися мензурками или пенящимися котлами, которые засмолили весь воздух. Это был не сад ее матери. Единственной знакомой вещью в комнате оказался королевский герб Меридианной империи, нарисованный на одной из каменных стен. – Где мы? И как долго я пробыла статуей?

– В общей сложности около шести недель. Я – придворный мастер-зельевар, и ты находишься в моей непревзойденной лаборатории. Но ты сможешь уйти, как только назовешь мне свое имя.

Эванджелине потребовалось время, чтобы собраться с мыслями. Шесть недель означали, что сейчас самый разгар Сезона Зноя. Не столь разрушительная потеря. Могло пройти и шесть лет, а то и все шестьдесят.

Но если прошло всего шесть недель, то почему никто не пришел ее встречать? Эванджелина знала, что мачеху мало волновала ее судьба, и со сводной сестрой они были не очень близки, но она спасла их жизни. А Люк... она не хотела даже представлять, почему ее возлюбленного здесь не было. Может, никто из них не ведал, что ее оживили?

– Я Эванджелина Фокс.

– Можешь звать меня Отрава. – Мастер зелий убрал руку с ее талии, совершив великодушный жест.

И Эванджелина тут же поняла, кем был этот молодой человек. Она должна была догадаться сразу. Парень выглядел в точности как его изображение на гадальной карте из Колоды Судьбы. Он носил длинный струящийся плащ, на всех своих пальцах – кольца с драгоценными камнями и, очевидно, работал с зельями. Отрава был Отравителем. Богом Судьбы, как и Джекс.

– Я думала, все Мойры исчезли, – выпалила Эванджелина.

– Недавно мы совершили великое возвращение, но не будем об этом. – На лице Отравы застыло мрачное выражение, намекая Эванджелине, что он не хотел бы обсуждать эту тему.

Может, Эванджелина еще не до конца пришла в себя, но тем не менее понимала, что лучше не настаивать, несмотря на все те вопросы, которые вызвало его откровение. Репутация Отравы не отличалась смертоносностью, как у Джекса. Согласно легендам, он обычно не причинял никому вреда своими руками, но создавал ядовитые эликсиры, специфические зелья и необычные снадобья для других, кто порой использовал их в своих ужасных целях.

Эванджелина взглянула на кубок, который по-прежнему держала в руках.

Яд

Не пей меня

– Не возражаешь, если я заберу его? – Одной увешанной драгоценностями рукой Отрава забрал сосуд.

Эванджелина осторожно отступила на шаг.

– Как я здесь оказалась? Джекс попросил помочь мне?

Отрава рассмеялся, вновь вернув своему лицу дружелюбие.

– Прости, дорогая, но Джекс, вероятно, совсем позабыл о тебе. За те недели, что ты была каменной статуей, у него возникли кое-какие неприятности. Уверяю тебя, он не вернется в Валенду.

Эванджелина знала, что ей не следует проявлять любопытство. После последней встречи с Джексом она не желала больше никогда его видеть и не давать ему шанс взимать с нее плату, которую ему задолжала. Но Джекс не был похож на того, кто просто сбегает. Его невозможно было убить – если только эта часть истории не была подлинной, а Мойры не обладали абсолютным бессмертием.

– В какие неприятности попал Джекс? – спросила она.

Отрава сильно сжал плечо Эванджелины, давая ей понять, что слово «неприятности» – слишком мягкое описание того, что произошло с Джексом.

– Если у тебя есть хоть капля инстинкта самосохранения, ты забудешь о нем.

– Не волнуйся, – отозвалась Эванджелина. – У меня нет никакого желания вновь видаться с Джексом.

Отрава скептически приподнял бровь.

– Это всего лишь слова, но стоит тебе переступить порог наших владений, и вернуться к обыденной жизни будет практически невозможно. Большинство из нас покинуло этот город, так что, скорее всего, ты не столкнешься случайно с кем-то из Мойр. Но теперь, когда ты вкусила прелести нашего мира, людская жизнь потеряет все краски. Тебя будет влечь к нам. Даже если никогда не захочешь увидеть Джекса, все равно будешь тяготеть к нему, пока не выполнишь условия сделки. Но если хочешь получить шанс на счастливую судьбу, борись с этой тягой, – иначе Джекс приведет тебя лишь к гибели.

Эванджелина хмуро поджала губы. Хотя она и не сомневалась в его словах, но все же не могла понять, почему бог Судьбы даровал ей такое предостережение.

– Я никогда не пойму людей. – Отрава вздохнул. – Все вы, кажется, с радостью приветствуете нашу ложь, но вам никогда не нравится, если мы говорим правду.

– Может, нам сложно поверить в то, что бог Судьбы захочет помочь человеку по доброте душевной?

– А если я скажу, что действую из личных интересов? – Отрава сделал глоток из своего кубка. – Валенда – мой дом. Я бы не хотел, чтобы меня вынуждали бежать на Север за плохое поведение, как других, – мне не нравится, как тамошняя магия влияет на мои способности, и слишком уж там холодно. Поэтому я стараюсь быть полезным короне. А теперь ступай, в главном зале тебя ждут.

Отрава направил ее к винтовой лестнице, где до Эванджелины донесся один из самых восхитительных ароматов – розового сахарного торта.

Ее желудок заурчал. Она и не заметила, как сильно проголодалась.

Поблагодарив Отраву, она поднялась по ступенькам.

Через несколько секунд витающий в воздухе аромат стал лишь слаще, а мир наполнился такими яркими красками, что создалось ощущение, будто вся ее жизнь до сего момента была слишком блеклой. Огромный зал, казалось, был соткан из мерцания и света: золотые люстры в форме корон парили над позолоченными столами, арфами и роялями с золотыми клавишами. Однако от вида всех собравшихся здесь людей она позабыла, как дышать.

Так много людей. Все хлопали в ладоши, широко улыбались и усмехались ей.

Эванджелина водила дружбу со многими посетителями лавки диковинок ее отца, и каждый из них, казалось, пришел сюда, чтобы приветствовать ее возвращение. Это было трогательно и согревало ей душу, но в то же время ощущалось несколько странным, что здесь собралось столь много людей.

– Привет, милочка! – окликнула ее мисс Мэллори, которая коллекционировала карты вымышленных мест. – Мне столько всего нужно тебе рассказать о моем внуке.

– Не терпится послушать, – ответила Эванджелина, прежде чем ей пожал руку джентльмен, что всегда заказывал малоизвестные иностранные кулинарные книги.

– Я так горжусь тобой! – воскликнула леди Вейн, предпочитавшая покупать горшочки с исчезающими чернилами.

После стольких недель нескончаемой пустоты Эванджелина была окружена объятиями и зацелована в обе щеки. Но сердце ее все же рухнуло вниз, когда ей не удалось отыскать среди толпы Люка.

Ее сводная сестра стояла поодаль от остальных, и Люка с ней тоже не было. Но облегчение, которое Эванджелина надеялась почувствовать, не обнаружив их вместе, отчего-то не наступило. Неужели он не знал, что все здесь соберутся? Или нашлась иная причина, по которой Люк решил не приходить?

Выражение лица Марисоль трудно было счесть. Она едва ли держалась на ногах и пыталась отогнать муху, чтобы та не села на сияющий розовый сахарный торт в ее руках. Но как только Марисоль увидела Эванджелину, она постепенно расплылась в улыбке столь же ослепительной, как и этот прекрасный торт.

Агнес не одобряла любовь своей дочери к выпечке: она желала для Марисоль великих свершений и говорила, что кулинария – слишком примитивное увлечение, – потому Эванджелина и задалась вопросом, как мачеха позволила ей приготовить к сегодняшнему дню угощение. Четыре розовых пышных бисквитных яруса, прослоенные сахарным кремом, с бантом из сладкой глазури и огромной табличкой из песочного теста с надписью «С возвращением, сестра!».

Чувство вины, вязкое и тяжелое, смешалось с беспокойством. Эванджелина никак не ожидала подобного жеста от своей сводной сестры и уже точно не заслуживала его.

– О, вот и моя драгоценная, прекрасная девочка! – Агнес подошла и обняла Эванджелину. – Мы так ужасно волновались. Какое облегчение мы испытали, узнав, что есть кто-то, способный излечить тебя. – Агнес крепче сжала Эванджелину в своих объятиях и прошептала: – Столько женихов интересовались тобой. Теперь, когда ты вернулась, я организую прием для самых богатых из них.

Эванджелина пребывала в замешательстве, она не знала, на что реагировать в первую очередь: то ли на слова, что сейчас сказала Агнес, то ли на новейшую версию мачехи, которой не чуждо обниматься. Даже когда эта женщина только вышла замуж за отца Эванджелины, она никогда не обнимала свою приемную дочь. Агнес вступила в брак с Максимилианом по той же причине, что и он: ей нужно было позаботиться о будущем собственной дочери. Максимилиан Фокс не был знатен и богат – его деловые предприятия терпели крах почти столь же часто, сколь приводили к успеху, – но он был достойной партией для вдовы с дочерью.

Агнес выпустила Эванджелину из объятий, только чтобы представить джентльмену, который, как сильно надеялась Эванджелина, не входил в число ее поклонников.

На нем была белая шелковая рубашка с кружевным жабо, что каскадом ниспадало до пояса черных кожаных брюк, настолько узких, что она удивилась, как он вообще мог в них двигаться.

– Эванджелина, – начала Агнес, – это мистер Кутлас Найтлингер из газеты «Шепот».

– Вы пишете для этих скандальных полос?

– Это не скандальные полосы, а периодическое издание, – фыркнув, поправила Агнес, чем навела Эванджелину на мысль, что со времен той статьи, вдохновившей ее на поиски двери в церковь Принца Сердец, читательская аудитория и авторитет новой газеты заметно подросли.

– На самом деле меня не волнует, как вы ее назовете, мисс Фокс, лишь бы мне позволили рассказать о вас. – Кутлас Найтлингер провел писчим черным пером по губам. – Я освещаю все, что связано с возвращением Мойр, и у меня есть к вам несколько вопросов.

Земля внезапно пошатнулась под ногами Эванджелины. Меньше всего ей хотелось обсуждать события, которые произошли с Джексом. Никто не должен был проведать, что она заключила сделку с богом Судьбы.

Если бы Эванджелина полностью пришла в себя, она бы отвертелась, придумав хитрое оправдание. Но из них двоих искусно крутиться удавалось лишь мистеру Кутласу Найтлингеру в кружевном жабо и черных кожаных штанах.

Он спешно увел ее с пиршества, минуя пару плотных золотых штор, и усадил на спрятанную в алькове скамью, где пахло тайной, мускусом и фальшивой магией. Или это был парфюм Кутласа Найтлингера?

– Мистер Найтлингер... – Эванджелина поднялась со скамьи, и мир пред ее глазами стремительно закрутился. Ей в самом деле не мешало бы поесть. – Я не думаю, что сегодня лучший день для разговора.

– Не волнуйтесь, не играет никакой роли то, что вы скажете. Я выставляю людей, у которых беру интервью, в хорошем свете. Вы уже всеобщая любимица. После принесенной жертвы вы стали одной из самых обожаемых героинь Валенды.

– Но я ведь не героиня.

– Вы излишне скромны. – Кутлас склонился ближе. Тяжелый аромат, витающий в воздухе, действительно оказался его парфюмом. – Во время Недели Террора...

– Что за Неделя Террора?

– О, это было так захватывающе! Она началась сразу после того, как вас обратили в камень. Боги и богини Судьбы воротились – поверите ли вы, что они были заперты в колоде карт? Столько бед и хаоса они принесли с собой, когда сбежали и попытались завладеть коронной империи. Но история о том, как вы на свадебном торжестве пожертвовали собой и превратились в камень, вдохновляла людей по всему миру в то нелегкое время. Вы – герой.

У Эванджелины внезапно пересохло в горле. Неудивительно, что в зале собралось так много людей.

– Хочется надеяться, что я поступила так же, как поступил бы любой другой на моем месте.

– Чудно! – Кутлас достал из своего кожаного жилета невероятно крошечный блокнот и начал что-то строчить. – Моим читателям это понравится. А теперь...

Ее желудок прервал его громким урчанием.

Кутлас рассмеялся так же быстро и отточенно, как росчерк его пера.

– Проголодались?

– Не могу вспомнить, когда ела в последний раз. Мне, верно, следует...

– У меня еще несколько вопросов. Ходят слухи, что, пока вы были каменной статуей, ваша приемная мать начала принимать предложения руки и сердца от вашего имени...

– Ох, Агнес – моя мачеха, – перебила Эванджелина, – она никогда не удочеряла меня.

– Думаю, можно с уверенностью сказать, что теперь она это сделает. – Кутлас подмигнул. – Ваша звездная слава будет сиять только ярче, мисс Фокс. А теперь позвольте мне записать напутственные слова для всех ваших поклонников?

Слово «поклонники» оставило дурной привкус на языке Эванджелины. Она действительно не заслуживала каких-либо поклонников. И все, несомненно, испытывали бы иные чувства, узнай они, что девушка на самом деле сотворила.

– Если вы потеряли дар речи, я могу придумать что-нибудь блестящее. – Его писчее перо прошелестело по блокноту.

– Пойдите... – Эванджелина по-прежнему не могла подобрать слов, но при мысли о том, что он мог сочинить, ее бросало в дрожь. – Я знаю, что истории зачастую живут своей собственной жизнью. Уже чувствую, как тот ужас, что мне довелось пережить, превращается в сказку, но во мне нет ничего особенного, и все это – вовсе не сказка.

– И все же история для вас закончилась хорошо, – заметил Кутлас.

– Она была заточена в камень на протяжении шести недель, – произнес мягкий голос позади них. – Я бы не сказала, что история закончилась хорошо.

Эванджелина посмотрела через плечо Кутласа и увидела свою сводную сестру.

Марисоль стояла между золотыми шторами, держа сахарный торт перед собой, точно щит.

Кутлас повернулся, прошуршав кружевами и кожей.

– Проклятая Невеста!

Щеки Марисоль приобрели болезненно алый оттенок.

– Превосходно! – Перо Кутласа вновь запорхало. – Я бы с удовольствием поболтал и с вами.

– Знаете... – перебила его Эванджелина, чувствуя, что именно Марисоль сейчас нуждалась в немедленном спасении. – У нас со сводной сестрой не выдалось ни минутки побыть вместе, поэтому я вынуждена украсть ее, чтобы отведать торт.

Эванджелина наконец протиснулась мимо него, подхватила под руку свою сводную сестру и скрылась за шторами.

– Спасибо. – Марисоль крепче прижалась к Эванджелине, и хотя раньше они никогда не любили держаться за руки, Эванджелина почувствовала, что сводная сестра похудела. Марисоль всегда имела стройную фигурку, как и ее мать, но сегодня казалась особенно хрупкой. Ее кожа была бледной, едва ли не восковой, – возможно, виной тому стал разговор с Кутласом. А под светло-кариими глазами девушки темнели круги, которые выглядели так, как будто не сходили уже несколько дней, а то и недель.

Эванджелина резко остановилась, пока они не присоединились к остальным собравшимся. Не так давно она задавалась вопросом, почему Люк не пришел, а теперь боялась узнать на него ответ.

– Марисоль, что случилось? И... где Люк?

Марисоль покачала головой.

– Нам не стоит говорить об этом сейчас. Это твой счастливый день. Я не хочу его портить.

– Ты испекла для меня торт и спасла от короля скандальной прессы... Думаю, ты здесь – настоящая героиня.

На глаза Марисоль навернулись слезы, и Эванджелина ощутила себя так, словно в груди провернули нож.

– Что? – надавила она на сестру. – В чем дело?

Марисоль прикусила губу.

– Это случилось четыре недели назад, когда мы с Люком решили сыграть свадьбу снова.

«Они пытались пожениться, пока она была куском камня?» На этот раз нож внутри Эванджелины словно раздирал ее до крови. Эта новость не должна была причинить столь нестерпимую боль. Не увидев Люка в лаборатории Отравы и среди остальных собравшихся на пиршестве по случаю ее возвращения, она решила, что между ними так ничего и не переменилось. Однако больно было узнать, что он даже не оплакивал ее, что спустя всего две недели после того, как она превратилась в каменную статую, планировал устроить свадьбу вновь.

– Мы думали, опасность миновала, потому что Неделя Террора окончилась. Но по дороге на свадьбу на Люка напал дикий волк.

– Подожди-подожди, что? – запинаясь, спросила Эванджелина.

Валенда была оживленным портовым городом. Самыми крупными животными, что водились здесь, считались собаки, а вслед за ними – одичавшие кошки, рыскающие по докам в поисках мышей. Волков в Валенде и в помине не было.

– Никто не знает, откуда взялся волк, – сокрушенно пожаловалось Марисоль. – Лекарь сказал, что Люк чудом выжил. Но я не уверена, что он действительно выжил. Волк сильно изувечил его.

Ноги Эванджелины стали ватными, словно внезапно лишились костей. Она попыталась открыть рот, чтобы сказать, что он, по крайней мере, выжил. Пока он жив, все будет хорошо. Но судя по тону, с каким говорила Марисоль, казалось, будто он уже был мертв.

– Прошло уже несколько недель, а он так и не покинул свой дом, и... – Слова Марисоль стали отрывистыми, а распрекрасный торт в ее руках задрожал, отчего капля крема упала на ковер. – Он отказывается меня видеть. Думаю, он винит во всем меня.

– Как ты можешь быть в этом виновна?

– Ты слышала мистера Найтлингера. Все в Валенде называют меня Проклятой Невестой. Две свадьбы и две ужасные трагедии в течение нескольких недель. Мама продолжает твердить, что это не плохо, а я – особенная, раз первой привлекла внимание Мойр, когда они вернулись. Но я-то знаю, что это не так. Я проклята.

По бледным щекам Марисоль заструились слезы.

До этого момента Эванджелина изо всех сил старалась не жалеть о своем решении. Возможно, нападение на Люка по дороге на свадьбу было простой случайностью, но гораздо более вероятным представлялось то, что к этому инциденту причастен не только дикий волк. Джекс обещал, что сорвет свадьбу, и явно сдержал свое слово.

Эванджелине не следовало заключать с ним сделку.

Она бы хотела переложить всю вину на Джекса, но на ней ответственность лежала в той же мере, что и на нем. Едва завидев в саду статуи, Эванджелина поняла, что совершила ошибку. Она думала, что своей жертвой исправила ее, но ей никогда не следовало обращаться за помощью к Принцу Сердец.

– Марисоль, я должна сказать тебе... – Слова прилипли к языку Эванджелины. Она стиснула зубы, чтобы вырвать это признание, хотя и понимала, что проблема не во внезапно возникшем напряжении, которое она ощутила. Ее охватил страх.

Эванджелина дрожала так же сильно, как и в момент, когда впервые услышала новость о помолвке Люка с Марисоль. В тот день, когда она пыталась поговорить с Марисоль о Люке, слова застряли у нее в горле. Она была совершенно уверена, что это какое-то проклятие. И все

еще хотела в это верить. Но Эванджелина больше не могла игнорировать тот факт, что она, возможно, ошиблась.

Возможно, истинная причина, по которой Эванджелина так и не смогла поговорить с Марисоль о Люке, заключалась не в злобных чарах. Может быть, это страх парализовал ее язык. Может быть, в глубине души Эванджелина боялась, что на самом деле на них с Люком не лежит никакого проклятия, а он просто-напросто не был ей верен.

– Все в порядке, Эванджелина. Совсем не обязательно что-то говорить. Я рада просто от того, что ты вернулась! – Марисоль поставила торт на ближайший позолоченный стол и обняла Эванджелину так, как в ее голове представлялись объятия настоящих сестер.

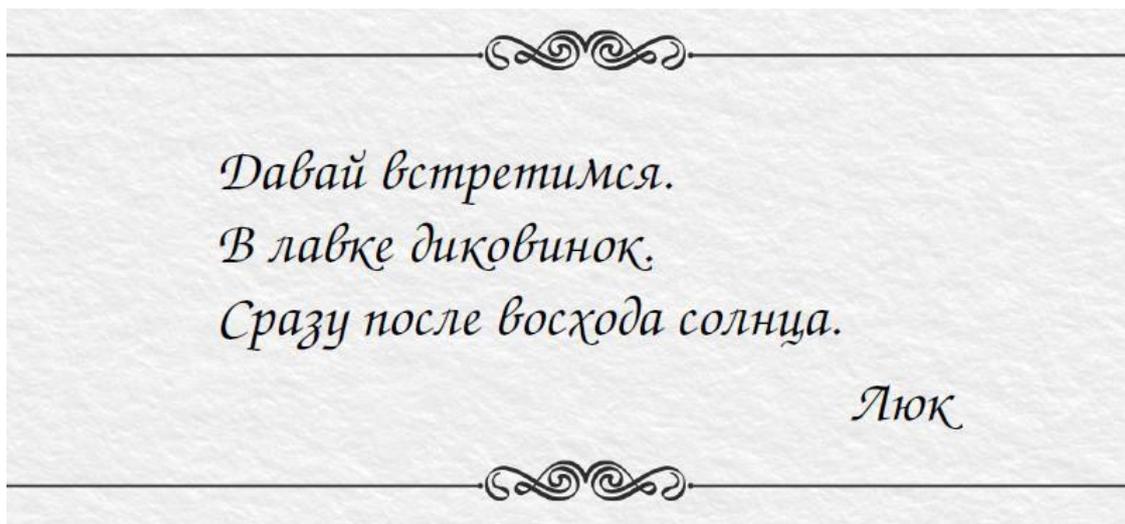
И она знала, что не может сказать ей правду, только не сегодня.

Последние шесть недель Эванджелина провела в одиночестве, обратившись каменной глыбой. Она не хотела снова оставаться одной, но ей придется, если кто-нибудь узнает, что она натворила.

7

Если бы штормы возникали из скандальной прессы, очередей джентльменов в накрахмаленных фраках и записок сомнительного содержания, то в мире Эванджелины следующим утром назревал бы идеальный шторм. Вот только она еще об этом не знала.

Все, о чем она знала, – это необычного содержания записка, побудившая ее выскользнуть на рассвете из дома.



Сердце Эванджелины едва не разорвалось после того, как накануне вечером она обнаружила в своей спальне послание. Она не знала, новая ли это записка или старая, обнаруженная лишь сейчас. Но Эванджелина заснула, перечитывая ее снова и снова, в надежде, что утром Люк будет ждать ее с историей, отличной от той, что она услышала от Марисоль.

Вчерашний разговор с Марисоль стал для Эванджелины потрясением – он почти убедил ее в том, что девушка обманывалась в отношении Люка. Но надежда – вещь весьма живучая, и даже крохотная искра могла разжечь ее огонь, а это послание зажгло в душе Эванджелины новую искру.

Ее отец владел четырьмя с половиной торговыми лавками, разбросанными по всей Валенде. Он был негласным компаньоном и делил дело с портным, который вшивал в одежду оружие. Построил подпольную книжную лавку, куда можно попасть только через потайной ход. В квартале Пряностей находилась еще одна лавка, обклеенная портретными плакатами «Разыскивается» с подписями, которые представляли собой короткие нелепые криминальные хроники. Свою третью лавку он держал в тайне даже от Эванджелины. А четвертая лавка – «Диковинные, причудливые и другие странные вещицы Максимилиана» – была ее самым любимым местом.

Именно здесь Эванджелина начала работать, как только позволил отец. Он уверял покупателей, что все находившиеся внутри товары *почти* волшебные. Но Эванджелина всегда верила, что некоторые вещи, проходившие через его лавку, действительно были заколдованы. Она нередко разыскивала шахматные фигуры, сбежавшие со своих досок, а на картинах порой появлялись совершенно другие детали, которых там не было накануне.

В груди Эванджелины защемило от некоего чувства, напоминавшего тоску по дому, когда она свернула за угол на вымощенную кирпичом улицу, которая была родовым гнездышком для лавки диковинок Максимилиана. Она скучала по лавке в те недели, когда была обращена в

камень, но до этого момента даже не представляла, насколько сильно. Скучала по расписанным ее матерью стенам, по полкам, заставленным находками ее отца, по колокольчику...

Эванджелина резко остановилась.

Диковинки Максимилиана закрыли свои двери. Медные окна были заколочены досками. Навес сорвали, а название кто-то закрасил, заменив надписью:

Новый владелец

Закрото до дальнейших распоряжений

– Нет! – Только не лавка! Эванджелина отчаянно долбилась в дверь, снова и снова. Это была последняя частичка ее отца, которая у нее осталась. Как Агнес могла так с ней поступить?

– Простите, юная мисс. – Над ней нависла дородная тень патрульного. – Вы должны прекратить стучать.

– Вы не понимаете. Эта лавка принадлежала моему отцу – она была завещана мне. – Эванджелина продолжила стучать, словно дверь могла волшебным образом открыться, словно Люк ждал ее по ту сторону, словно она только что не потеряла последнюю осязаемую частицу своих родителей.

– Как давно она закрыта?

– Простите, мисс. Думаю, лавка закрылась почти шесть недель назад и... – Лицо молодого патрульного засияло. – О, звезды с неба... это же вы... вы – та самая Милосердная Спасительница Валенды. – Он прервался, чтобы пригладить волосы. – Не сочтите за наглость, мисс, но вы даже прекраснее, чем пишут в газетах. Не подскажете, где я могу получить одно из тех заявлений?

– Заявлений на что? – Эванджелина перестала стучать в дверь, почуввав неладное, когда патрульный полез в задний карман и достал черно-белый газетный лист.

Газета «Шёном»

С УЛИЦ В КАМЕНЬ НА ПУТИ К ЗВЕЗДАМ:

***ИНТЕРВЬЮ С МИЛОСЕРДНОЙ
СПАСИТЕЛЬНИЦЕЙ ВАЛЕНДЫ***

Автор: Кутлас Найтлингер

Семнадцатилетняя Эванджелина Фокс с переливающимися розовыми волосами и невинной улыбкой похожа на сказочную принцессу. Несколько недель назад она была лишь сиротой, лишившейся родителей. В нашем недавнем диалоге девушка обмолвилась, что не помнит, когда в последний раз ела.

Она не была приглашена на свадебную церемонию Люка Наварро и Марисоль Турмалин, которая многим из вас известна как Проклятая Невеста. Но, тем не менее, когда Эванджелина совершенно случайно набрела на членов торжества, обращенных в камень одним из богов Судьбы, она не раздумывая спасла свадебную партию, заняв их место и превратившись в статую.

«Хочется надеяться, что я поступила так же, как поступил бы любой другой на моем месте», – сказала она мне.

Эванджелина оказалась такой скромницей. Мне с трудом удавалось выудить хотя бы пару слов о ее героическом поступке. Но Милосердная Спасительница Валенды охотно заговорила, когда я упомянул мать Проклятой Невесты, Агнес Турмалин, и ее великодушные планы удочерить Эванджелину.

«Я уже чувствую, как тот ужас, что мне довелось пережить, превращается в сказку», – воскликнула она в ответ.

Агнес также поведала мне, что Эванджелине не терпится начать как можно скорее устраивать свою жизнь.

Она принимает предложения от ухажеров в виде официальных заявлений о намерении взять ее в жены...

(Продолжение на стр. 3)

– О боже... – Эванджелина одарила патрульного неуверенной улыбкой. – Простите, газета ошиблась. Я не ищу ухажеров. – Она поморщилась от одного только слова. Но это не удивило ее. Эванджелина знала, что вчерашние объятия и улыбки Агнес были фальшивыми. Но совсем не ожидала, что мачеха продаст ее столь быстро.

Другие прохожие на улице начали останавливаться, чтобы поглазеть. Несколько пылких джентльменов, судя по их виду, набрались смелости, чтобы подойти ближе.

Будь здесь Джекс, он бы наверняка воспринял происходящее как доказательство того, что оказал Эванджелине услугу, одарив ее доброй славой. Но это было не то, чего она хотела.

Эванджелина бросила листок «сплетника» в ближайшую мусорную урну и еще раз взглянула на записку Люка. Послание было старым. Теперь она это понимала: он бы не стал просить о встрече в лавке, зная, что она закрыта.

Эванджелине не столько хотелось плакать, сколько отыскать способ перенестись назад во времени, вернуться в прошлое. До Агнес, до Люка, до того, как лишилась обоих родителей. Она просто хотела еще раз обнять отца. Хоть на краткое мгновение почувствовать, как мама гладит ее волосы. Боль, которую она испытывала из-за потери Люка, не шла ни в какое сравнение с утратой матери и отца. Ей по-прежнему хотелось быть с Люком, но, если копнуть глубже, она на самом деле хотела вернуть свою прежнюю жизнь и всю ту любовь, которые она утратила.

Эванджелине было трудно подавить душевную боль, когда она попелась в дом, который перестал быть домом с тех пор, как умер ее отец. В обычные дни она обожала посещать город. Ей нравился шум переплетающихся звуков, суесящихся людей и витающие в воздухе ароматы свежеиспеченных пирожных, которые тянулись из пекарни за углом. Но в тот день на улице слишком сильно пахло незнакомым парфюмом.

От этого запаха ее затошнило, но, завидев толпу джентльменов, она замерла как вкопанная. Разодетые в свои лучшие пальто, плащи и шляпы, мужчины выстроились вдоль улицы по направлению к ее дому, на пороге которого стояла Агнес, радостно получая цветы, комплименты и бумажные листки.

«Она принимает предложения от ухажеров в виде официальных заявлений о намерении взять ее в жены...»

Руки Эванджелины сжались в кулаки. Некоторых молодых людей можно было счесть привлекательными, но большая часть собравшихся – мужчины в возрасте, годившиеся ей в отцы или даже старше. Она могла бы развернуться и уйти, если бы ей было куда идти, но благодаря Агнес лавка диковинок была закрыта. И тогда Эванджелина осознала, что сейчас она настроена скорее на борьбу, нежели на бегство.

Она направилась к дому, натянув на лицо притворно-застенчивую улыбку.

– А вот и она... – проворковала Агнес.

Но Эванджелине не позволила ей продолжить. Она спешно повернулась к джентльменам и громким голосом объявила:

– Спасибо всем, что пришли, но я вынуждена вам отказать. – Она сделала паузу, театрально прижав тыльную сторону левой руки ко лбу и закатив глаза, подражая той сцене, которую однажды увидела в трагической уличной пьесе, когда прогуливалась со своим отцом. – Я более не статуя, но все еще проклята, и любой, кого я поцелую, обратится в камень.

Среди толпы раздался ропот.

– Камень...

– Проклята!

– Я ухожу отсюда.

Джентльмены быстро разошлись, а вместе с ними рассыпался и фасад заботливой мачехи.

Агнес схватила Эванджелину за плечи и впиалась в них своими тонкими пальцами.

– Что ты наделала, дрянная девчонка? Женихи были не только для тебя. Это был шанс и для Марисоль вновь стать объектом внимания.

Эванджелина скривила лицо и отстранилась. Она чувствовала вину перед своей сводной сестрой, но вчерашний день ясно дал понять, что Марисоль по-прежнему влюблена в Люка.

– Не делай из меня злодейку, – возразила Эванджелина. – Ты не имела права этого делать, как и продавать лавку моего отца. Он завещал ее мне.

– Тебя сочли мертвой. – Агнес угрожающе шагнула вперед.

Эванджелина побледнела. Мачеха никогда не поднимала на нее руку, но и не впивалась в нее своими пальцами до сегодняшнего дня. Эванджелина не хотела думать, на что еще была способна Агнес. Если мачеха вышвырнет ее на улицу, ей некуда будет податься.

Возможно, стоило подумать об этом прежде, чем отказывать женихам, но было слишком поздно брать свои слова назад, да и к тому же не представлялось такой возможности.

– Надеюсь, это не угроза, Агнес. – Эванджелина вложила в свои слова всю храбрость, на которую только была способна. – Никогда не знаешь, кто может подслушать, и будет весьма печально, если молва о твоей подлинной природе дойдет до кого-то вроде Кутласа Найтлингера.

Ноздри Агнес раздулись.

– Кутлас не сможет защищать тебя вечно. Тебе ли не знать, как быстро может перевестись внимание молодого человека. Кутлас Найтлингер либо обернется против тебя, либо совсем скоро позабудет о твоем существовании, как это сделал твой ненаглядный Люк.

Колкость ударила Эванджелину прямо в сердце.

Агнес улыбнулась, как будто ей не терпелось произнести эти слова.

– Я собиралась подождать и поделиться с тобой после того, как это увидит Марисоль, но передумала.

Агнес потянулась к своему столику с заявлениями, достала из него сложенный лист бумаги и протянула Эванджелине.

Девушка осторожно развернула записку.



*Марисоль, мое самое драгоценное сокровище!
Я бы не хотел прощаться с тобой подобным
образом. Но я надеюсь, что мы с тобой вовсе
не прощаемся. Я покидаю Валенду в надежде
найти целителя. В следующий раз, когда увижу
твое прекрасное личико, я буду тем же Люком,
в которого ты однажды влюбилась, и мы снова
сможем быть вместе.
С каждым ударом моего сердца...*



Эванджелина не смогла дальше читать. Ей не нужно было дочитывать до конца, чтобы понять, что почерк принадлежит Люку.

Люк писал ей письма, но они обычно были короткими, как та записка, которую она нашла вчерашним вечером. Он никогда не называл ее своим самым драгоценным сокровищем и не упоминал о биении своего сердца.

– Это не может быть правдой, – вздохнула Эванджелина. – Что ты с ним сделала?
Агнес рассмеялась.

– Ты и впрямь глупый ребенок. Твой отец выставял твою особенность верить в то, чего не видят другие, как невероятный дар. Но тебе не помешало бы начать верить в то, что видишь ты.

Семья Люка Наварро жила в изысканном квартале на окраине города, где дома были больше и стояли на значительном расстоянии друг от друга. У Эванджелины всегда захватывало дух, когда она приближалась к этому месту.

В тот день, когда Марисоль объявила о помолвке с Люком, Эванджелина бежала со всех ног сюда. Стучала в дверь его дома в полной уверенности в том, что Люк откроет дверь и скажет, что все это – величайшее недоразумение.

Люк был ее первой любовью, он подарил ей первый поцелуй и свое сердце, когда ее собственное перестало справляться. Невозможно было представить, что он не любит ее, – столь же невозможно, как и путешествовать во времени. Какая-то ее часть понимала: есть шанс, что это правда, – но душа подсказывала, что это не так. Она надеялась, что Люк подтвердит это. Но он так ничего и не сказал. Слуги выдворили ее, захлопнув перед самым носом дверь. То же произошло и на следующий день, как и в каждый день после.

Но сегодня все было по-другому.

Сегодня никто не открыл дверь, когда она постучала.

Эванджелина не слышала ни шагов в доме, ни чьих-либо голосов. Когда она наткнулась на шель в задернутых шторах, по ту сторону была видна лишь мебель, покрытая простынями.

Люк вместе с семьей действительно уехали, как и было сказано в записке.

Эванджелина не знала, сколько времени простояла там. Но, в конце концов, она припомнила слова Джекса и подумала, прав ли был бог, когда говорил: *«Люби он тебя в ответ, то не стал бы жениться на другой. Конец истории»*.

8

Время шло.

Дни становились холоднее.

Листья меняли свой окрас.

На углах улиц появились яблочные киоски, где продавались пироги, пирожные и другие угощения в честь сезонного урожая. Каждый раз, проходя мимо такого киоска и улавливая сладковатый фруктовый аромат, Эванджелина думала о Джексе и своем долге перед ним, и ее сердце билось, как скачущая галопом лошадь, порываясь выскочить из груди. Но, похоже, Джекс забыл о ней, как и говорил Отрава.

Люк тоже не вернулся, а лавка диковинок так и не отворила свои двери.

Эванджелине удалось убедить Агнес позволить ей работать в подпольной книжной лавке ее отца. Там была не такая волшебная атмосфера, как в лавке диковинок, но зато ей было чем себя занять. Хотя зачастую она чувствовала себя под стать какой-нибудь из тех пыльных потрепанных книг на задних полках магазина. Томов, которые некогда были весьма востребованными, а теперь никому не нужны.

Она до сих пор не потеряла своей известности, чтобы мачеха могла не колеблясь вышвырнуть ее на улицу, но Эванджелина боялась, что однажды это произойдет. Скандальные полосы разнесли слух, что ее поцелуй превращает джентльменов в камень. И с тех пор ее имя появлялось лишь мельком и изредка. Кутлас тоже начал забывать о ней, как и говорила Агнес.

Но Эванджелина не теряла надежды.

Ее мать, Лиана, выросла на Великолепном Севере и воспитывала дочь на местных сказках.

На Севере сказки и реальные исторические факты трактовались как одно и то же, потому что на всех вымышленных и истинных историях лежало проклятие. Некоторые сказки нельзя было записать, не вспыхнув ярким пламенем, другие не могли покинуть пределы Севера, а большинство историй менялись всякий раз, когда их сказывали, с каждым пересказом становясь все менее и менее реалистичными. Поговаривали, что каждая сказка с Севера брала свое начало как правдивая история, но со временем проклятие северных историй исказило легенды, оставив в них лишь крупицу правды.

Одной из сказок, которую Лиана рассказывала Эванджелине, была «Баллада о Лучнике и Лисице» – романтическая история о хитрой крестьянской девушке, которая обладала даром превращаться в лису, и о молодом лучнике, который полюбил ее, но злые чары вынудили его выследить и убить возлюбленную.

Эванджелине нравилась эта история, потому что она тоже была лисой⁵, хотя и не из тех, кто обладает способностью оборачиваться в животное. Возможно, и лучник вызывал у нее симпатию тоже. Эванджелина снова и снова упрашивала маму рассказывать эту историю. Но поскольку на этой балладе лежало проклятие, каждый раз, когда мама приближалась к финалу, она вдруг забывала, о чем говорила. Ей так и не удалось рассказать Эванджелине, поцеловал ли лучник свою девушку-лису, жили ли они с ней долго и счастливо до конца их дней, или он убил возлюбленную, запятнав их историю смертью.

Эванджелина всегда просила маму поделиться, чем, по ее мнению, закончилась история. Но мама всегда отказывалась.

«Я верю, что существует гораздо больше возможностей, чем счастливый или трагический финал. В каждой истории кроется потенциал для безмерного количества концовок».

⁵ Фамилия главной героини Fox, что в переводе с английского означает «лиса».

Мать Эванджелины повторяла эту мудрость так часто, что она вросла внутрь девушки, укоренившись в самом сердце ее мировоззрения. Послужила одной из причин, по которой Эванджелина выпила яд, превративший ее в камень. И дело было вовсе не в том, что она отличалась бесстрашием или героизмом, – просто Эванджелина смотрела на мир с большей надеждой, чем другие люди. Джекс говорил, что единственный шанс обрести счастливый конец – это уйти; что если она выпьет яд, то останется статуей навек. Но Эванджелина не могла поверить в это. Она знала, что у ее истории может быть безмерное множество концовок, и ее вера в это не изменилась.

Ее ждал счастливый конец.

Колокольчик, подвешенный над дверью книжной лавки, звякнул. Дверь еще даже не открылась, но колокольчик, видимо, почувствовал, что входит кто-то особенный, и потому подал знак немного раньше.

Эванджелина затаила дыхание, надеясь, что войдет Люк. Ей хотелось бы избавиться от этой привычки. Но та надежда, благодаря которой Эванджелина продолжала верить, что ее ждет счастливый конец, и порождала мысли о том, что однажды Люк возвратится. Казалось совершенно неважным, сколько недель или месяцев минуло с тех пор. Всякий раз, когда звонил колокольчик книжной лавки, в ней теплилась надежда.

Она знала, что некоторые люди могут счесть ее излишне наивной, но невероятно трудно разлюбить кого-то, когда больше некого любить.

Эванджелина проворно спустилась по лестнице, на ступенях которой стояла, и поспешила мимо нескольких посетителей, изучавших ассортимент среди торговых проходов лавки. Последним человеком, вошедшим в дверь, оказался вовсе не Люк, но и этот визит оказался неожиданным.

Марисоль никогда не навещала Эванджелину в книжной лавке. Марисоль, по правде говоря, никогда не выходила из дома, она почти не покидала пределов своей комнаты, и потому сейчас ей было явно не по себе оттого, что она сделала и то и другое в один день. С каждым шагом она все сильнее сжимала перчатки в руках.

Учитывая, что книжная лавка была своего рода местом тайным, снаружи она выглядела весьма непривлекательно. Лишь неприметная дверь с ручкой, которая, казалось, вот-вот отвалится. И все же, переступив порог, можно было почувствовать некую магию. Атмосферу той самой магии создавал сумеречный свет, разбавленный сиянием множества свечей, бумажная пыль, витающая в воздухе, и бесконечные ряды необыкновенных книг на покосившихся полках. Эванджелина с трепетом относилась к этому, но Марисоль пробиралась меж стеллажами так, словно все они в одночасье могли рухнуть прямо на нее.

За последние несколько месяцев молва о Проклятой Невесте стала частью здешних легенд. Свадьбы в садах больше не проводились, а если церемония нежданно отменялась, то переносить ее на другой день считалось приметой дурной. Поскольку Марисоль редко выходила в свет, в ней перестали узнавать истинную Проклятую Невесту, но Эванджелина заприметила, с какой опаской другие посетители косятся на сводную сестру из-за ее боязливости. Разговоры стали тише, а покупатели старались избегать Марисоль.

Эванджелина с улыбкой на лице устремила к ней, надеясь, что Марисоль не обратит внимания на эти слегка недружелюбные взгляды.

– Что привело тебя себя? Нужна книга? К нам только поступила партия кулинарных книг. Марисоль довольно решительно покачала головой.

– Наверное, лучше мне ни к чему не притрагиваться. Люди могут подумать, что я прокляла книги. – Она бросила испуганный взгляд в сторону двери, откуда поспешно выходила пара.

– Они уходят не из-за тебя, – заверила ее Эванджелина.

Марисоль недоверчиво нахмурилась.

– Я надолго не задержусь. Я пришла, чтобы только отдать тебе это. – Она протянула искусно оформленный лист дорогой красной бумаги, украшенный витками сусального золота и запечатанный красным сургучом с видневшимся на нем символом. – Увидев, как его принесли, я подумала, что это, должно быть, нечто важное, и хотела убедиться, что мама не скроет от тебя письмо. – Марисоль наконец смогла выдавить из себя улыбку, и поднявшиеся уголки губ сделали ее слегка лукавой. – Я знаю, что не смогу никогда восполнить те недели, что ты провела в камне, но это хотя бы что-то.

– Я ведь говорила, что ты мне ничего не должна.

Эванджелина почувствовала уже знакомый укол вины. Каждый день она испытывала искушение поведать Марисоль правду, но каждый день ей не хватало мужества. За то время, что Эванджелина трудилась в лавке, а Марисоль скрывалась в своей комнате, девушки не сблизились. Но сводная сестра по-прежнему была для нее самым близким человеком.

Когда-нибудь Эванджелина расскажет сестре правду, но пока она не могла этого сделать.

А Марисоль даже не дала ей шанса. Как только протянула Эванджелине красный листок, исчезла так же внезапно, как и появилась, оставив Эванджелину открывать таинственную записку в одиночестве.

Дорогая мисс Фокс!

Мы с моей сестрой хотели бы иметь удовольствие разделить с вами послеобеденное чаепитие завтра в Дворцовом саду Колибри в два часа дня. Мы с восхищением наблюдали за вами со стороны, и у нас есть потрясающее предложение, которое нам бы хотелось обсудить.

*С наилучшими пожеланиями,
Скарлетт Мари Дранья,
Императрица Меридианной империи*



9

Эванджелина в очередной раз прочла письмо императрицы, когда ее небесная карета приземлилась на блистательно чистой дворцовой территории. Весь прошедший день она потратила, пытаясь понять, что за предложение хочет обсудить с ней императрица, но так и не смогла придумать, о чем идет речь. Марисоль тоже не имела ни малейшего представления. Когда Эванджелина вернулась домой и пересказала содержание записанного на красной бумаге послания, сводная сестра неоднократно повторила, как она за нее рада, но выглядела при этом встревоженной.

Если приглашение Эванджелины было таинственным, то новая императрица казалась еще более загадочной.

До того, как Эванджелина обратилась в камень, наследником престола был другой человек: молодой парень, прозванный Его Прелесть. К сожалению, она выяснила, что во время Недели Трора Мойры вновь заявили о себе, убив этого незадачливого короля. Новая императрица и ее младшая сестра – которую люди прозвали Истребительницей Мойр, – противостояли богам и богиням Судьбы, чтобы спасти империю, убив одного из них и доказав, что теория Эванджелины была верна – Мойры на самом деле не бессмертны. Они не старели, но могли умереть.

Большинство жителей города обожали сестер за их победу над богами и богинями Судьбы, но некоторые все же считали, что новая императрица и сама была одной из Мойр. Статьи скандальной прессы утверждали, что она умеет читать мысли, а ее избранник – пират, покрытый паутиной шрамов.

Эванджелина знала, что верить этим слухам не лучшее решение. Но мысль о чтении мыслей все же вызывала в ее душе беспокойство. Эванджелине не хотелось, чтобы императрица прочла ее мысли и извела, что она – вовсе не спасительница, в которую все так веруют.

Эванджелина теребила пуговицы своей кремовой накидки, почувствовав внезапный прилив жара к телу, когда вышла из кареты и направилась вслед за дворцовым слугой по обрамленной цветами дорожке к двери с золотой ручкой в форме колибри.

Слуга поклонился, распахнув дверь.

– Ваше величество, мисс Эванджелина Фокс прибыла.

Он отступил в сторону, приглашая ее пройти в сад, изобилующий сказочно-зелеными деревьями, кроны которых были усыпаны цветами кораллового, розового и персикового оттенков, навевающими Эванджелине мысли о нежных поцелуях на щеках.

– Добро пожаловать!

– Так приятно наконец-то познакомиться с тобой, Эванджелина!

– Твои волосы и впрямь божественны!

Императрица и ее сестра, принцесса Донателла, разом зашебетали, словно порхающие над их головами колибри.

– Мы не были уверены, что тебе придется по вкусу, потому заказали всего понемногу, – объявила принцесса. С голубыми лентами в белокурых локонах и озорным выражением на прекрасном лице, она представала совсем не в том образе, какой складывался в голове Эванджелины при мысли о дерзкой и самоотверженной Истребительнице Мойр из скандальных газетных полос.

– У нас есть ежевичный крем, террины из сезонного урожая, тыквенный пудинг, ореховые тарталетки и чай всех видов и вкусов. – Принцесса махнула рукой в сторону многоярусной башни из разноцветных заварочных чайников, из которых клубился розоватый пар. Если сестры-правительницы пытались произвести на нее впечатление, то у них это прекрасно получилось.

Эванджелина и сама почувствовала себя принцессой, когда наконец-то сняла накидку и заняла место за их утопающим в яствах столом.

– Как восхитительно. Спасибо, что пригласили меня.

– Мы так рады, что ты смогла присоединиться к нам, – воскликнула императрица. Она была молода – по всей видимости, возраста Эванджелины, хотя трудно было сказать наверняка, ведь ее темные волосы пронизывала густая седая прядь. На ней было рубиновое платье с открытыми плечами и изящные кружевные перчатки, а улыбка – такая сладостная, что Эванджелине с трудом верилось в то, что они с нетерпением ожидали встречи. – Мы хотели встретиться с тех самых пор, как услышали о твоём героическом поступке во время Недели Трора.

– Но также мы хотим просить об услуге, – добавила принцесса.

Императрица смерила взглядом свою сестру, которая, очевидно, отклонилась от сценария.

– Что? Я уверена, она умирает от любопытства. Я просто пытаюсь спасти ей жизнь. – Принцесса протянула руку через тарелку сестры и взяла квадратик бумаги кремового цвета с медным тиснением.



Чернила с металлическим отливом мерцали, словно еще не высохли – «или же к ним прикоснулась магия Севера». Эванджелина старалась не делать поспешных выводов и почти сразу потерпела неудачу. Она надеялась, что здесь ее поджидает счастливый финал, но при взгляде на это приглашение практически невозможно было представить, какой путь мог к нему привести.

– Обычаи Севера несколько отличаются от наших, – мягко поведала императрица. – Наследный принц не может полноправно взойти на трон, пока не женится, и устраивать бал для поиска невесты – одна из их древнейших традиций.

Эванджелина знала об этой традиции, что посчитала за очередной знак. Ее мама рассказывала о Нескончаемой Ночи. Будучи еще совсем ребенком, Эванджелина воспринимала ее как самую романтическую вещь, о какой она только слышала. Тайные бальные залы строились по случаю события в лесах, где приземлились падающие звезды, отчего все вокруг было овеяно частичками волшебства. Лиана Фокс говорила, что существуют особые виды магии, встречавшиеся лишь на Севере, и даже воспоминания о них не способны были добраться южных краев. А затем поведала Эванджелине о том, как каждый вечер на протяжении всей Нескончаемой Ночи принц наблюдал за ходом торжества из укромного уголка, выбирая пять девушек, чтобы подарить им танец. Ночь за ночью он следовал одному и тому же распорядку, наблюдая и приглашая дам на танец, пока не находил идеальную невесту.

– Я всегда надеялась, что Нескончаемая Ночь окажется правдой, – призналась Эванджелина. – Но никогда не была полностью уверена.

– Что ж, это правда, и мы хотим, чтобы ты отправилась на нее. – Императрица сделала глоток чая, когда колибри опустила лепестки персиковых цветов в ее чашку. – Мы бы и сами приняли участие, но я не считаю разумным покинуть империю так скоро после коронации и...

– На Севере находится кое-кто, с кем я не хотела бы встречаться, – вклинилась принцесса.

– Телла, – выругалась императрица.

– Что? Это правда. – Принцесса повернулась к Эванджелине. – Я, конечно, люблю балы и королевские приемы, которые с большой вероятностью могут иметь драматическое завершение. Но я могу спровоцировать происшествие международного масштаба – может, даже войну, – стоит мне там появиться.

Лоб императрицы прорезали глубокие морщины.

– Мы не можем проигнорировать приглашение, – продолжила императрица более дипломатичным тоном. – И мне бы не хотелось начинать свое правление с игнорирования одного из самых почетных празднеств Севера. Посему мы с моим советником хорошо поразмыслили над тем, кто должен представить Меридианную империю. – Ее орехового цвета глаза встретились взглядом с Эванджелиной. – Твой поступок во время Недели Террора был очень храбрым и самоотверженным, и это навело нас на мысль, что ты – именно тот человек, которого мы хотели бы видеть в качестве нашего посла. – Императрица расплылась в улыбке, в то время как ее сестра одобрительно кивнула.

Эванджелина все-таки запихнула в рот ежевичный крем, чтобы скрыть внезапно возникшее напряжение, сковавшее ее собственную улыбку.

Она хотела согласиться. Она всегда мечтала отправиться на Север, исследовать мир, где выросла ее мать, и узнать, какие из маминых сказок были правдивыми. Хотела выяснить, действительно ли существуют гоблины-кондитеры, разбрасывавшие сладости по праздникам, и драконы размером с домашних зверушек, что превращаются в дым, если пытаются улететь на юг. И она хотела попасть на этот бал. Хотела встретиться там с принцем, танцевать всю ночь, позабыв наконец о Люке.

Если и было на свете нечто, способное заставить ее забыть о нем, так это Нескончаемая Ночь.

Но могла ли Эванджелина ответить согласием? Императрице и ее сестре нужна была героиня в качестве посла – сирота-спасительница, о которой трубила скандальная пресса, но к Эванджелине это не имело отношения. Она была полной противоположностью создавшегося образа. Сестры боролись с богами и богинями Судьбы, а Эванджелина заключила сделку с одним из них.

В горле внезапно пересохло. Сколь бы Эванджелина ни старалась выбросить из головы Джекса, он всегда оставался в самой глубине ее мыслей, был тайной, которая, как она страшилась, однажды вырвется наружу.

Эванджелина до сих пор не знала, куда исчез Джекс. Отрава говорил, что большинство Мойр отправились на Север, где им даровали убежище, и до нее доходило множество слухов, которые служили тому подтверждением. Ни в одном из этих слухов не упоминался Принц Сердец. Но разве Отрава не предупреждал, что ее будет тянуть к Джексу, хочет она того или нет? Что, если дело действительно в этом? Что, если это не шанс Эванджелины на счастливый финал, а влияние бога Судьбы на ход ее жизни?

Последняя встреча Эванджелины с Принцем Сердец – когда он действительно пытался ей помочь, – привела к тому, что она обратилась в каменную статую. Ей не хотелось даже представлять, что может случиться, если она вновь увидится с Джексом и он решит заполучить три поцелуя, которые Эванджелина ему задолжала.

Единственный способ защитить себя от Принца Сердец – отказаться от предложения отправиться на Север.

Но что тогда? В лучшем случае Эванджелина продолжит работать в книжной лавке и, затаив дыхание при каждом звоне колокольчика, чего-то ждать. И это показалось ей вдруг жалким существованием, нежели лучом надежды.

– Если тебя беспокоит тот дурной слух, мы уже о нем позаботились, – добавила императрица.

– О да, это было так забавно! – Принцесса Донателла приподняла руку, и пара вертких колибри поднесли Эванджелине черно-белый газетный лист.

Газета «Шёном»

СЕНСАЦИОННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Автор: Кутлас Найтлингер

Только что надежный источник сообщил нам, что Милосердная Спасительница Валенды излечилась. Ее прикосновение более не превращает мужчин в камень.

Эванджелина даже не думала беспокоиться об этом распушенном слухе, но ее впечатлил жест сестер, которые с ним разобрались.

– Его больше нет. К концу вечера никто и не вспомнил, что ты проклята, – подтвердила принцесса. – Хотя я думаю, людям пора понять, что не следует верить всему, что они читают. Ты бы видели, какие бредни писали обо мне после Недели Террора.

– Возможно, я прочитала некоторые из них, – призналась Эванджелина. – В книжной лавке, где я работаю, хранятся все старые выпуски газет.

– И что ты подумала? – налегла принцесса, скорее взволнованно, чем смущенно, отправляя небольшое пирожное, выполненное в форме сердца, в свой рот.

Эванджелина не смогла удержаться от смеха. Ей понравились эти сестры.

– Мне кажется, мистер Найтлингер все неверно понял. В жизни ты гораздо суровее, чем тебя выставляют местные сплетни.

– Я же говорила, что она идеально подойдет. – Принцесса захлопала в ладоши. – Скажи нам, что ты согласна! Большого от тебя и не требуется, только отправиться туда.

Сестры одарили ее парой одинаковых улыбок, пока лепестки цветов осыпались на их головы, а колибри задорно стрекотали.

Если бы они знали правду о том дне, когда она превратилась в камень, то никогда бы не просили ее о помощи. Но, может быть, этот бал – возможность для Эванджелины стать более похожей на ту, кем ее все считали. Приглашение могло оказаться самой судьбой, манипулировавшей ее жизненным выбором и возвращавшей в лапы Джекса, но это не означало,

что оно не могло стать для нее шансом обрести счастливый финал. Эванджелина знала, что выдавала желаемое за действительное, воображая, будто если отправится на Север, то обязательно встретит принца Аполлона, который влюбится и изберет ее. Но в ней воспитали веру в желания, сказки и то, что казалось невозможным.

А что, если это не только ее шанс на счастливый финал, но и отличная возможность для Марисоль? Эванджелина хотела отыскать способ облегчить жизнь своей сводной сестры. Возможно, это и был тот самый способ.

Если Марисоль отправится с Эванджелиной на Север, там никто не будет знать ее как Проклятую Невесту. Она будет просто девушкой на балу, а уж Эванджелина позаботится о том, чтобы эта поездка стала лучшим событием в ее жизни. К тому времени, как они вернутся в Валенду, Люк станет для них обеих позабытым воспоминанием.

Эванджелина улыбнулась в ответ королевским сестрам.

– Если соглашусь, смогу ли я взять с собой сводную сестру?

– Прекрасная идея, – воскликнула императрица.

– Мне следовало подумать об этом, – пробормотала ее сестра. – Но не волнуйся, мы предусмотрели все остальное. Ты, верно, заметила, что времена года на Севере отличаются от наших. До их первого дня зимы осталось всего три недели, так что мы могли бы уже начать подготовку.

После они поболтали о жилье, а потом и о платьях. Мода на Севере была совершенно иной. Джентльмены носили камзолы и много кожи. Дамы – платья с двойными юбками и декоративными поясами. Принцесса охала и ахала, когда беседа перетекла к драгоценностям и жемчугам, а внутри Эванджелины все трепетало и кружилось, словно извивающаяся лента.

Наконец она задала последний вопрос, который питал ее любопытство:

– Кто-нибудь из вас знает что-нибудь о принце?

– Да! – с энтузиазмом ответила обе сестры.

– Он... – Глаза принцессы Донателлы словно окутал туман. – По правде говоря, не могу вспомнить, что я о нем слышала.

– Я... – Императрица прервалась, пытаясь вспомнить, что слышала о принце.

Эванджелина задалась вопросом, не прокляты ли рассказы о принце, как и многие северные сказки. Ни одна из сестер так ничего и не вспомнила о принце Аполлоне Акадианском или его семье.

Не будь Эванджелина так хорошо знакома с Севером, это могло бы ее насторожить. Но куда больше ее беспокоили три шрама в форме разбитых сердец на запястье, которые внезапно начали пылать.

10

Когда Эванджелина Фокс пребывала в виде каменной статуи, ее жизнь словно бы стала застойной. Неподвижной, как заброшенный пруд, не тронутый ни дождем, ни галькой, ни временем. Она не двигалась. Не менялась. Но она чувствовала. Чувствовала столь остро. Одиночество, приправленное нотками сожаления, или надежду, скрашенную нетерпением. Она никогда при этом не испытывала лишь одну чистейшую эмоцию. Чувства всегда возникали вперемешку друг с другом. Точно как сейчас.

Шрамы на запястье Эванджелины гореть перестали. Больше не ощущались так, будто Джек прокусил их секунду назад. Но внутри у нее до сих пор порхали бешеные бабочки, когда она подошла к изящной двери в комнату Марисоль. К белой двери с фрамугой⁶, что когда-то принадлежала Эванджелине.

Эванджелина знала, что Марисоль не крала эту комнату, она лишь переехала сюда по настоянию мачехи, пока Эванджелина была статуей. Как только она вернулась, Марисоль попыталась уступить ее место обратно. Но Эванджелина, чувствовавшая свою вину перед сводной сестрой, позволила ей оставить комнату себе. Эванджелину до сих пор не покидало чувство вины. Но прямо сейчас это была вина другого рода – вина, возникшая из-за того, что девушка не могла заставить себя постучать в дверь, некогда принадлежавшую ей, и пригласить Марисоль отправиться на Север.

Эванджелина никак не могла отделаться от мысли, что Люк, как и комната, когда-то принадлежал ей. И хотя она как никогда прежде была полна решимости распрощаться с ним раз и навсегда, но выбросить из головы его отношения с Марисоль пока не получалось. Это была одна из тех вещей, о которых она старалась не думать. Ей не верилось, что Марисоль знала о чувствах Эванджелины к Люку... Сестра всегда отличалась добротой и робостью. Она, казалось, даже не способна была украсть книгу, не говоря уже о чужом парне. Но сложно было не усомниться в этом.

Что, если Марисоль знала, что Эванджелина любит Люка? Что, если она сознательно увела у нее парня, и вдруг это повторится вновь, если Эванджелине посчастливится встретить на Севере новую любовь?

Рука девушки находилась на грани, не ведая, то ли стучать в дверь, то ли опуститься. Когда...

– Мама, пожалуйста... – Марисоль говорила не очень громко, но в узком коридоре стояла такая тишина, что Эванджелина могла расслышать ее слова даже через дверь. – Не говори так.

– Это правда, девочка моя. – Голос Агнес звучал словно патока. Слишком приторный, чтобы действительно быть приятным на вкус. – Ты позволила себе расслабиться в последние несколько месяцев. Только взгляни на себя. Твой цвет лица. Волосы. Осанка дряхлая, точно размокшая лента, а эти круги под глазами просто отвратительны. Мужчина мог бы и не обратить внимание на маленький изъян в твоей проклятой репутации, будь у тебя на что посмотреть, но даже я едва ли могу снести это зрелище...

Эванджелина распахнула дверь, не в силах больше слушать эти жестокие унижения.

Бедняжка Марисоль сидела на своей бледно-розовой кровати и в самом деле была похожа на завядшую ленту, хотя причиной этому, вероятно, была Агнес, раскритиковавшая только что дочь в пух и прах. Неважно, кем была или не была Марисоль, она такая же жертва Агнес. Но в отличие от Эванджелины Марисоль жила с этой ужасной женщиной всю свою жизнь.

– Где твои манеры? – завопила Агнес.

⁶ *Фрамуга* – декоративный элемент над дверью (а иногда и по бокам) в виде рамы со стеклом, зеркалом или мозаикой.

Эванджелине отчаянно хотелось возразить, что Агнес здесь единственная, кому недостает хороших манер и доброты душевной, а также некоторых других качеств. Но злить мачеху еще больше было не самой мудрой идеей в данный момент.

Вместо этого Эванджелина заставила себя произнести:

– Простите. Я пришла с новостями, которые, на мой взгляд, вы обе не прочь услышать как можно скорее.

Агнес немедленно сузила глаза.

Марисоль украдкой вытерла свои.

А Эванджелина еще больше уверилась в том, что поездка на Север на Нескончаемую Ночь – именно то, в чем они с Марисоль нуждались. Марисоль, возможно, нуждалась даже больше. Эванджелине не верилось, что у нее промелькнула мысль не приглашать ее. Глядя на Марисоль сейчас, она представить не могла, как сводная сестра вообще могла бы помыслить о том, чтобы увести у нее Люка, – и даже если бы она сделала это, разве не Люка следовало в этом винить?

– Ну? – спросила Агнес. – В чем дело, девчонка?

– Сегодня я встречалась с императрицей, – объявила Эванджелина. – Наследный принц Великолепного Севера устраивает бал, и императрица просила меня стать послом Меридианной империи. О транспорте, жилье и одежде уже позаботились. Я уезжаю через неделю и хочу взять с собой Марисоль.

Марисоль засияла так, словно Эванджелина подарила ей букет звезд, исполняющих желания.

Но Агнес не проронила ни слова. Весь ее вид отражал смутную тревогу, как будто увидела привидение или заглянула внутрь своего злобного сердца.

Эванджелина почти уверилась, что услышит отказ, когда мачеха разомкнула свои поджатые губы. Но вместо этого голос Агнес вновь сделался сладковатым, и она, хлопнув в ладоши, воскликнула:

– Какие замечательные вести! Конечно, ты можешь поехать и взять с собой Марисоль.

Часть 2. Великолепный Север



11

Долгие четырнадцать дней вокруг были лишь темные волны, сероватая морская пена да кусачие соленые брызги. А затем, словно выхваченные из одной из маминых сказок, рассказанных на ночь, перед Эванджелиной предстали заснеженные изгибы Арки Главных Врат, что стояла у самого въезда на Великолепный Север.

Сотканные из гранита с вкраплениями голубого мрамора и возведенные в высоту, словно башни замка, обточенные ветрами колонны арки были высечены в виде русалок с трезубцами в руках, которые пронзают резные фигурки людей подобно тому, как гарпун моряка пронзает рыбу. Спины людей были изогнуты, а руки – вытянуты вперед, растягивая ленту с текстом, образующую вершину огромной арки.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ СЕВЕР! ЗДЕСЬ ЖИВУТ ИСТОРИИ

– Она даже больше, чем я себе представляла, – сказала Марисоль. Ее светло-каштановые волосы блестели, а нежное лицо налилось наконец здоровым румянцем. Недели, проведенные в море, пошли ей на пользу. Первые несколько дней на борту корабля она слишком нервничала, чтобы покинуть свою каюту. Но с каждым днем она все отважнее выбиралась наружу и сегодня уже ютилась рядом с Эванджелиной возле релинга⁷.

– Здесь нам нужно замолчать? – прошептала она.

Эванджелина с улыбкой кивнула, довольная, что сводная сестра начинает верить в северные истории так же, как и она сама. Во время их путешествия Эванджелина ничуть не удивилась, узнав, что Агнес за все детство Марисоль не рассказала дочери ни единой истории. Так что Эванджелина поведала девушке сказки, услышанные от своей матери, включая и ее предостережения о въезде на Север:

«Не произноси ни единого слова, проезжая через Арку Главных Врат. Древняя магия Севера не в силах пересечь его границы, но попытки ее никогда не прекращаются. Она скапливается вокруг Арки Врат, и стоит лишь заговорить, проезжая мимо, как магия украдет твой

⁷ Релинг – корабельный термин, обозначающий борта на судне.

голос, а потом воспользуется словами, чтобы заманить ничего не подозревающих путников и с помощью них ускользнуть в другие части света».

Должно быть, это был распространенный миф, или каждого на борту так же, как и Эванджелину, заворожило происходящее вокруг, потому что корабль проплыл под аркой в полной тишине.

Воздух по ту сторону был холоден, точно лед, и пронизан облаками, висевшими столь низко, что Эванджелина почувствовала их вкус.

– Жаль, что мы не можем плыть быстрее, – проворчал один из матросов. – От этой части пути у меня всегда мурашки по коже.

Плеск волн утих, а близлежащие облака заслонили собой солнце, скрывая их корабль в тени, пока он бесшумно рассекал участок моря, известный как Шеренга Доблестей – кладбище первой королевской семьи Севера.

Древние памятники Доблестям были именно такими, какими их описывала мама Эванджелины. Стоявшие по колено в серо-голубых водах, статуи вздымались вровень с аркой, и каждый их сантиметр был вырезан столь искусно, что создавалось впечатление, будто они носили доспехи или украшения – за исключением голов, которых не было ни у одной из фигур. И все же, когда корабль проходил мимо, Эванджелина услышала их голоса, а может, это были голоса, украденные у тех путников, что пересекали эту арку раньше.

«Освободи нас», – прохрипели они.

«Возроди нас».

«Помоги нам».

«Мы можем...»

Эванджелина не расслышала остальной части мольбы, когда корабль прибыл в доки Валорфелла, и все занялись высадкой на берег.

– Мисс Фокс? Мисс Турмалин? – позвала седовласая женщина в платье цвета морской волны с серебристой нижней юбкой и поясом, на котором висело несколько перевязанных свитков. – Меня зовут Франжелика. Я сопровожу вас в ваши покои и позабочусь о том, чтобы мисс Фокс успела на ужин сегодня вечером.

Улыбка Франжелики лучилась теплом, и она бодро взмахнула рукой, подгоняя девушек с корабля. Но Эванджелина не могла заставить себя поспешить, ступив на промокший причал, запруженный рыбаками, торговыми лавками и бочонками с устрицами.

Ей всегда нравилось жить на юге. Нравилось солнечное тепло и ослепительно яркие цвета, в которые были облачены жители. Но теперь блистающие улицы Валенды казались ей слишком броскими. Здесь все было подернуто невесомой дымкой. Все вокруг было туманно-серым, дождливо-синим и темно-пурпурным, точно цвет спелой сливы.

Крепкие мужчины, сновавшие в доках, выглядели так, словно могли шагнуть в лес и свалить одним взмахом топора дерево. На ногах они носили кожаные сапоги с массивными пряжками, а женщины были одеты в плотные шерстяные платья с поясами, похожими на пояс Франжелики, в которых, казалось, можно было отыскать все: от бутылок с тоником до арбалетов размером с ладонь.

Наслаждаясь прохладным, бодрящим воздухом, Эванджелина расправила плечи и вдохнула поглубже. Как вдруг...

– Марисоль, смотри, крошечные драконы!

– О боже... – Марисоль побледнела, когда раздался громкий хлопок и крошечный перечно-черный дракон размером с бурундука выплюнул струйки красного огня, чтобы поджарить в соседнем ларьке рыбную палочку.

В доках эти очаровательные зверушки встречались так же часто, как и белки. Почти у каждого торговца был такой питомец. Марисоль явно пришлось не по душе эти маленькие крылатые существа, в отличие от Эванджелины, которая с удовольствием разглядывала кро-

шечных голубых дракончиков, устроившихся на плечах северян, или малышей с коричневой кожей, сидящих на тележках. Миниатюрные зверьки жарили яблоки и мясо, выдували стеклянные безделушки и подогревали глиняные кружки с шоколадом.

Все это было таким очаровательным, как и рассказывала мама.

Эванджелина даже опустила взгляд на влажные брусчатые камни, чтобы убедиться, что ее ноги по-прежнему крепко стоят на земле и она не парит в воздухе из-за возникшего внутри чувства невесомости. Ступив на северные земли, она почувствовала себя стоящей у истоков не просто чего-то, а в начале всего.

За пределами доков шпили добротных деревянных магазинов простирались вверх, словно ростки, а не изливались по округе. На каждом из этих восхитительных уровней располагались причудливые, будто сошедшие со страниц сказок, витрины торговых лавок, соединенные туманными пешеходными мостиками, которые перекрещивались над головой Эванджелины, складываясь в дивный, будто лабиринт, узор. Север, безусловно, навевал ей воспоминания о матери, но она с досадой признала, с каким удовольствием исследовала бы окрестности этого местечка вместе с отцом. Несколько лавок, внутреннее убранство которых она смогла рассмотреть, выглядели именно так, как те места, где он мог бы раздобыть новые диковинки всех мастей и размеров для своей лавки.

– Получите «Ежедневную Сплетню!» – кричала девушка с ранцем, набитым свернутыми газетами. – Для вас и только для вас, если хотите сделать ставки на то, кто станет избраницей принца... или хотите узнать о своих соперниках!

– Мы должны купить одну, – сказала Марисоль, с любопытством разглядывая газеты. Учитывая нелюбовь Марисоль к скандальным печатным полосам, ее интерес стал для Эванджелины полной неожиданностью. Но это был тот самый дух авантюризма, который, как она и надеялась, Север пробудит в ее сводной сестре.

Эванджелина потянулась к кошельку с монетами. На их землях валюта была иной, но императрица щедро снабдила девушек северными деньгами на карманные расходы.

– Сколько?

– Всего полмарки, – ответила газетчица. – Погоди-ка... – Брови девушки взметнулись вверх, когда она хорошенько рассмотрела Эванджелину. – Это ведь ты! У тебя и впрямь волосы розовые. – Девчонка сунула в руки Эванджелины намокшую от промозглого тумана газету и подмигнула. – За мой счет. Я поставила на то, что принц Аполлон выберет тебя, а не другую девицу.

Эванджелина не знала, что ответить, кроме как настоять на том, чтобы заплатить девушке вдвое больше стоимости газеты.

Эванджелина поймала себя на том, что с улыбкой глядит на газетную страницу и даже начинает немного забывать о Люке. Она старалась не давать волю своим надеждам и не уповать на многое другое. Даже когда они с Марисоль обсуждали Нескончаемую Ночь, речь никогда не шла лишь о принце. Они говорили о танцах, моде и о том, каких людей им посчастливится встретить. Но Эванджелине стоило признать, что ей и впрямь хотелось верить, что у нее будет шанс добиться расположения принца Аполлона. Она понимала, что выходить замуж за человека, с которым ни разу не встречалась, – не самая разумная идея, но в то же время не считала сей шаг слишком безрассудным.

Ежедневная Сплетня

ДА НАЧНУТСЯ СТАВКИ

Автор: Кристоф Найтлингер

Завтра первый день Нескончаемой Ночи. Канцелярия уже принимает всевозможные ставки, – от партнерш на танцы до предложения руки и сердца, – а я, как и обещал, подготовил свои прогнозы!

Все мы слышали заявление принца Аполлона про то, что он может и не выбрать ни одну из девушек себе в невесты, а Нескончаемая Ночь, начавшись, может никогда не закончиться. Но я бы не стал делать ставки на такой исход. Из достоверных источников мне стало известно, что Аполлон уже положил глаз на нескольких дам, на основании чего я подготовил парочку блестящих теорий касательно того, кем могут быть эти юные счастливицы.

Моя первая фаворитка – Фессалия Фортуна, которая, я уверен, не нуждается в представлении. Учитывая, что эта девушка является наследницей одного из Великих Домов, я не удивлюсь, если Фессалия войдет в число первых избранниц принца Аполлона в качестве партнерши по танцам завтра ночью.

Однако, если наш наследный принц надеется снискать расположение тех из нас, кто не принадлежит к знатым сословиям, он может пригласить на танец обретшую недавно популярность Ариэль «ЛаЛу» Лагримас. Семья ЛаЛы окутана тайной, но этим, как правило, прикрываются самые обычные люди. Но ее красота и впрямь почти мифическая. И все мы знаем, как высоко принц Аполлон ценит красоту.

К сожалению, я не уверен, что есть смысл делать какие-либо ставки на брак с Ла-Лой. Мне неоднократно доводилось слышать, что принц Аполлон, возможно, уже увлечен именитой иностранной принцессой Серендипити Скайстед с островов Ледяной Гавани. Эта парочка знакома друг с другом с детства.

«Она еженедельно посылала письма во дворец», – сообщил секретный источник.

Если собираетесь ставить на то, кому принц может сделать предложение, то принцесса Серендипити, вероятнее всего, – самый безопасный вариант.

Хотя, если вы, как и я, любите рисковать, то, возможно, вам захочется поставить на другую иностранку – Эванджелину Фокс из Меридианной империи. Осиротевшая, проклятая богом Судьбы, а теперь и любимица новой императрицы, – истории, витавшие вокруг Эванджелины, слегка напоминают наши местные проклятые сказки. С трудом верится, что это может быть чистой воды правдой.

Моя кузина с юга рассказывает, что у Эванджелины сияющие розово-золотистые волосы, а в душе кипит жилка отважной авантюристки. Однажды она отказала целой веренице ухажеров длиной с городскую улицу, чтобы освободить свою руку и сердце на случай, если принц Аполлон захочет взять ее в жены, – и я готов поставить на то, что он это сделает.

Роман ее родителей напоминал сказочную историю, которая и научила Эванджелину верить в такие вещи, как любовь с первого взгляда.

Всякий раз, когда они рассказывали свою историю, она немного менялась, будто очередная северная сказка ее матери. История всегда начиналась одинаково: отец в поисках диковинок на Севере наткнулся случайно на колодец, откуда доносилась самая завораживающая, почти гипнотическая мелодия. Он подумал, что колодец заколдован, потому, конечно, попытался с ним заговорить. И колодец ответил. Вернее, ответила ее мама. Она услышала голос отца, доносившийся из-за пределов их родового колодца, и ей в голову пришла замечательная идея убедить незнакомца с юга в том, что она – волшебная водная фея. В некоторых версиях этой истории ее игры с папой продолжались неделями. В других – отец Эванджелины совсем

скоро понимал, что там на самом деле находится молодая женщина, водящая его за нос. Но абсолютно в каждой вариации истории они влюблялись друг в друга.

– Любовь с первого звука, – говорил ее отец.

А затем мама целовала его в щеку и добавляла:

– А для меня это была просто первая любовь, без всяких поводов.

После родители обязательно рассказывали Эванджелине, что не все влюбленности случаются с первого «раза» – некоторым требуется время, чтобы прорасти, как семенам, или они, подобно луковицам, спят в земле и не всходят до наступления подходящего сезона. Но Эванджелина всегда хотела влюбиться «без поводов», хотела любви, как у ее родителей, – любви, похожей на сказку. И эта газетная статья лишней раз убедила ее в том, что она может найти желаемое здесь, на Нескончаемой Ночи.

– Это так волнующе, – пискнула Марисоль. Это был задорный визг искреннего счастья. Но секунду спустя Эванджелина заметила, как миниатюрное личико ее сводной сестры пересекла тень беспокойства. – Несмотря на то что тебя тут нарекли рискованной ставкой, будь сегодня поосторожнее с другими девушками. Теперь-то они точно выпустят свои коготки и зубки.

Эванджелина знала, что реакция, вне всяких сомнений, была плодом отравляющего воздействия Агнес. Но она все равно ощутила укол боли. Как только Марисоль произнесла слово «зубки», шрамы в форме разбитых сердец на запястье Эванджелины полыхнули. Она чувствовала их все чаще и чаще с тех пор, как решила отправиться на Север. Обычно она игнорировала жгучую боль и мысли о Джексе, что сопровождали ее. Но именно в этот момент в голове Эванджелины крутилась навязчивая тревожная мысль о том, что сегодня вечером ей нужно беспокоиться не о других девушках, а о голубоглазом боге Судьбы, оставившем след на ее запястье.

Официальное начало Нескончаемой Ночи запланировано на завтрашний день, но уже сегодня вечером должен был состояться приватный ужин в честь всех иностранных послов. В отличие от официального бала, где принцу предстоит танец всего с пятью девушками, этим вечером он мог пообщаться наедине со всеми гостями, включая Эванджелину.

– Дамы! – Франжелика хлопнула в ладоши. – Все это потеряет смысл, если мисс Фокс не явится на ужин. – Женщина жестом пригласила сестр в ожидающий их экипаж.

Жжение в запястье Эванджелины немного ослабло, но не исчезло полностью, пока они с грохотом проезжали по ухабистой серой улочке, вдоль которой тянулись трактиры и таверны, нареченные в честь различных северных сказок и исторических личностей. Они миновали гадальное пристанище «Звездный Шепот» и лязгающую кузницу под названием «Оружие Вульфрика». «Бессмертный Принц» оказался довольно прославленным пабом, хотя Эванджелину больше привлекла змеевидная вереница людей, ведущая к «Фантастическим душистым водам Фортуны». Она так и не смогла вспомнить, встречалось ли это название в рассказах матери, но ей стало любопытно, связано ли это заведение с той самой Фортуной, что упоминалась в местных сплетнях как потенциальная фаворитка.

Их экипаж наконец остановился в конце этой оживленной улочки у заведения под названием «Русалка и Жемчужины: Обитель для искателей приключений». Построенный, если верить слухам, из обломков затонувшего корабля, трактир внутри был полон скрипящих под ногами половиц кусачего тепла, которое тут же растопило озябшую кожу Эванджелины.

Стены этого местечка были оклеены серо-коричневыми страницами, на которых красовались рисунки моряков-отморозков и злобных морских девиц. Та же тематика продолжилась и в убранстве номеров Эванджелины и Марисоль. Каркас их кроватей имитировал открытые деревянные сундуки с сокровищами, украшенные столбиками из самых огромных белых жемчужин, которые она когда-либо видела.

По воспоминаниям матери, «Русалка и Жемчужины» – это история о русалке, обманом обратившей моряков в гигантские жемчужины. Этот миф был из числа тех, что походили

больше на сказки, нежели на реальные истории. Но на случай, если байка все же была скорее правдой, чем вымыслом, Эванджелина избегала прикасаться к этим жемчужным столбикам кровати, пока одевалась к вечернему торжеству. Она пыталась заполучить приглашение и для Марисоль, но сегодняшний ужин был исключительно для избранных.

Все гости должны были прийти в нарядах, которые олицетворяли их самих или королевство, из которого они происходили, и подготовленное императрицей платье, по всей видимости, отражало Эванджелину. Вместо рукавов были лишь тоненькие серебристые линии, обвивавшиеся вокруг ее рук и декольте, а затем спускавшиеся вниз, струясь по белоснежному корсету и приталенной белой юбке, словно прожилки мраморного камня.

Она выглядела как ожившая статуя.

Марисоль побледнела.

– Полагаю, даже к лучшему, что меня не пригласили на этот ужин. Если бы я получила в подарок платье, символизирующее всю мою жизнь, то на груди, скорее всего, были бы вышиты череп и скрещенные кости. – Марисоль произнесла это как шутку, но голос ее при этом был слегка высоковат и резок.

И вот он, знакомый укол вины, вонзившийся в грудь.

– Здесь все будет по-другому. – Эванджелина взяла руку своей сводной сестры и сжала. И снова ее охватило искушение во всем сознаться и поведать Марисоль, что мнимое проклятие – это вина Эванджелины.

– Мисс Фокс! – позвала Франжелика за дверь. – Пора выходить, моя дорогая.

Эванджелина закрыла рот, в очередной раз проглотив свои секреты. Признание могло бы облегчить вину, но оно разрушило бы множество других вещей, и не только в ее жизни. Если она скажет Марисоль правду, то сестра, возможно, перестанет считать себя проклятой, но зато будет чувствовать себя преданной.

И сейчас Эванджелине оставалось лишь надеяться, что все здесь действительно будет по-другому... и что на Севере хватит магии, чтобы наколдовать счастливый финал для них обеих.

12

Эванджелина не знала, был ли то свет луны или необычайная магия Севера, но туман приобрел радужное сияние, освещая улицы и верхушки колючих деревьев, которые мерцали золотисто-голубыми и сказочно-зелеными оттенками за окном ее кареты, с грохотом несущейся вперед, преодолевая ухабы, ямы и неровности дороги, отчего в животе у нее все скручивалось и переворачивалось. Или тому виной были просто нервы.

Она твердила себе, что нет причин для беспокойства. Раньше, когда шрамы на ее запястье пылали, она страшилась встретить Джекса на сегодняшнем вечере. Но, учитывая исключительность ужина, шансы на то, что бог Судьбы тоже окажется в числе приглашенных, казались ничтожно малы. Даже если предположить, что Джекс основался в этой же части Севера, у Эванджелины были смутные сомнения по поводу того, что ему захочется присутствовать на таком важном мероприятии. Большинство дам придут туда ради возможности встретиться с принцем Аполлоном, а если бог Судьбы действительно так ревнив, как повествуют легенды, она с трудом представляла, что это мероприятие понравится Джексу.

Нет, успокаивала она себя. Джекса там не будет. Единственным принцем, которого она увидит сегодня вечером, будет принц Аполлон.

Ее желудок снова сжался, когда карета наконец-то остановилась. Франжелика оставалась на месте, не собираясь выходить, и лишь весело сказала:

– Удачи! И не срывай листья!

– Я и не мечтала об этом, – сказала Эванджелина главным образом потому, что это казалось правильным ответом, а затем шагнула в морозную ночь.

Она ожидала увидеть заснеженный замок или сказочный шато, но перед ней был лишь лес из веретенообразных деревьев с обледенелыми стволами и арка из того же гранита с голубыми мраморными вкраплениями, что и Арка Врат, ведущая на Север.

Здесьняя арка была и близко не такой большой, как на въезде, но факелы, стоявшие по обе стороны от нее, освещали резьбу, столь же искусную и куда более завораживающую. Эванджелина узнала среди рисунков символы из бесчисленных северных сказок и баллад: ключи в форме звезды и разорванные книги, рыцарей в доспехах, коронованную волчью голову, крылатых коней, руины замков, стрелы и лисиц, а также вьющиеся стебли арлекиновых лилий.

Это чем-то напомнило ей вышивки матери. Она всегда нашивала на платья диковинные узоры вроде лисиц и замочных скважин. Эванджелине хотелось, чтобы мама сейчас оказалась рядом и независимо от того, как будут развиваться события далее, гордилась бы своей дочерью.

– Собираешься стоять здесь, пока не замерзнешь, или все-таки войдешь? – сказал хриплый прокуренный голос.

Сначала Эванджелине показалось, что голос исходит из арки. А затем она увидела его.

Молодой человек стоял возле арки так, как стоит дерево в лесу, будто приросло корнями к своему месту. На нем не было ни плаща, ни накидки, лишь изящные кожаные доспехи и необычный бронзовый шлем. Верхняя его часть выглядела почти как корона – увесистая и украшенная незнакомыми символами, обрамлявшими лоб юноши. Из-под шлема выбивалась огромная копна волнистых каштановых волос, а большую часть лица закрывала широкая изогнутая накладка из сурового шипастого металла, который обхватывал его голову по бокам и скрывал под собой область от челюсти до самой переносицы, оставляя открытыми только пару глаз да острые скулы.

Инстинктивно она отшагнула назад.

Стражник неожиданно мягко рассмеялся.

– Я не представляю для вас угрозы, принцесса.

– Я не принцесса, – поправила она.

– Но, возможно, станешь ею. – Он подмигнул, а затем исчез из виду, едва девушка переступила через арку и услышала хриплый голос, сказавший ей: *«Мы так рады, что ты нашла нас»*.

Еще один шаг, и мир вокруг нее преобразился.

Тепло окутало кожу, словно послеполюденное солнце. Эванджелина оставалась на улице, но туман, дымка и холод исчезли. Все вокруг сверкало полированной бронзой в красно-оранжевых оттенках – цвета осенней листвы на пороге перемен.

Она оказалась на другой лесной поляне, где и раскинулось само празднество: жизнерадостные музыканты играли на лютнях и арфах, а с деревьев свисали праздничные ленты. В центре всего высилось королевское дерево-феникс, и загадочное предупреждение Франжелики внезапно обрело смысл. Эванджелина впервые видела такое дерево, но она знала о них благодаря своей матери. Дереву-фениксу требовалось более тысячи лет, чтобы созреть: ветви вытягивались, стволы утолщались, а листья превращались в *настоящее* золото. В отблесках свечей они сияли, точно драконьи сокровища, приманивая людей сорвать их. Однако, согласно мифам, если сорвать один золотой лист прежде, чем переменится вся листва, то дерево вспыхнет пламенем.

Вокруг дерева толпились самые разные люди с важным видом. Если мужчины в доках выглядели так, будто могли срубить дерево одним ударом топора, то гости на этом вечере создавали впечатление, как будто могут оборвать человеческую жизнь парочкой метких словечек или росчерком пера. Большинство мужчин облачились в прекрасные бархатные камзолы, гармонирующие с теплыми оттенками декора, в то время как дамы были одеты в самые разномастные платья. По большей части наряды соответствовали северной моде: верхние юбки из тяжелой парчи, пояса, усыпанные драгоценными камнями, и эффектные рукава с разрезами, струящиеся вниз до кончиков пальцев.

К счастью, Эванджелина не заметила среди них Принца Сердец. Среди гостей не наблюдалось юношей с яблоками, жестокими лицами и разорванной одеждой.

Она с облегчением вздохнула и обратила свое внимание на поиски принца Аполлона среди гостей, что небрежно потягивали напитки из хрустальных бокалов, как будто посещение мероприятий, где принцы выбирают невест, – столь же рядовое дело, как и семейный завтрак. К сожалению, ни одного человека не венчала корона, и Эванджелина предположила, что принц еще не прибыл.

Она могла бы расспросить о нем кого-нибудь из присутствующих на вечере, но, несмотря на непринужденную атмосферу, витавшую вокруг остальных, никто из них не заводил разговоры с незнакомкой. Круги смыкались, а рты замолкали всякий раз, когда она приближалась.

Это вызывало в девушке не присущее ей доселе чувство застенчивости и благодарности за то, что Марисоль не пригласили. Она бы наверняка подумала, что люди избегают ее из-за проклятия.

Несколько человек бросали взгляды на Эванджелину и ее розово-золотистые волосы, скорее всего задаваясь вопросом, не она ли – та самая девушка из скандальных хроник. Но, очевидно, любопытства оказалось недостаточно, чтобы принять ее в чей-то круг.

Единственной гостьей, которую, казалось, так же намеренно игнорировали остальные, была молодая леди примерно возраста Эванджелины, одетая в великолепное платье из драконьей чешуи цвета пылающих рубинов. С ней никто не заговаривал, но ее сложно было не заметить. Она была, пожалуй, самой красивой из всех здесь присутствующих, а ее наряд – безусловно, самым смелым. Без присущих северной моде длинных рукавов, а если точнее, рукавов на нем не было вовсе, чтобы открыть взору окружающих ее гладкую смуглую кожу и витиеватые чернильные рисунки драконьего пламени, покрывавшие руки словно перчатки.

Эванджелина взяла два хрустальных бокала и направилась к девушке, которая слегка покачивалась, как будто танцевала сама с собой.

– Разделишь со мной? – Эванджелина протянула один из своих напитков.

Девушка смерила оценивающим взглядом бокал, а затем и Эванджелину, прищурился глаза.

– Не волнуйся, не отравлен. – Эванджелина сделала глоток из обоих бокалов в своих руках, прежде чем снова предложить девушке. – Видишь?

– Вот только в одном может быть яд, а в другом – противоядие. Я бы так и поступила. – Девушка сверкнула ослепительной дьявольской усмешкой, вызвавшей у Эванджелины впечатление, что все-таки существовала причина, по которой ее избегали другие. Возможно, эта особа была не такой безобидной. А может, Эванджелине просто не давало покоя предостережение Марисоль о коготках и зубках, которые могут пустить в ход другие девицы.

– Кстати, я Эванджелина.

– Знаю, – промурлыкала девушка. Эванджелина ожидала, что незнакомка представится в ответ, но та лишь сказала: – Я узнала розоватые волосы. А еще обратила внимание на то, как ты искала принца, когда вошла. Правда, недостаточно высоко смотрела. – Девушка, наконец, приняла бокал и с его помощью указала на королевское дерево-феникс.

Эванджелина недоумевала, как ей раньше не пришло в голову взглянуть туда. Теперь, когда она знала, где искать, Аполлона и его своеобразную позу было невозможно не заметить. Принц разместился на деревянном балконе, расположенном высоко на дереве, дерзко перевалявшись через перила.

Он создавал образ удалого принца, раздетого в оттенки вина и дерева и увенчанного золотой короной в форме переплетающихся оленьих рогов. С такого расстояния она не могла рассмотреть все его черты, но заметила, как Аполлон, вальяжно развалившись на перилах, с предельной сосредоточенностью смотрел вниз, словно отчаянно искал любовь всей своей жизни. Он выглядел так, как будто позировал для портрета. Нет...

Он и *впрямь* позировал для портрета!

Эванджелина заметила еще один балкон, скрытый среди деревьев на другой стороне поляны. Там художник лихорадочными взмахами кисти запечатлевал драматическую позу принца.

– Ты должна увидеть Аполлона, когда на улице потеплеет, – пробормотала девушка рядом с ней. – Он всегда принимает такие позы, только без рубашки.

– Он часто так делает?

Незнакомка энергично закивала.

– Было довольно занятно наблюдать, как его младший брат, Тиберий, насмехается над ним, пуская из лука стрелы или выпуская на него стадо котят.

– Думаю, мне бы понравилось это зрелище.

– Это было фантастически. Тиберия, увы, здесь нет. – Девушка вздохнула. – Месяцы назад у принцев произошла размолвка. Тиберий исчез на несколько недель, и никто не знал, куда он направился, но после своего возвращения избегает большинства мероприятий.

– Что... – По шее Эванджелины пробежал холодок, заставив ее напрочь позабыть о том, что она собиралась сказать дальше, вместо этого в голове крутилось лишь одно имя. «Джекс».

Она не знала, откуда ей знакома причина внезапно возникшего холода, но она готова была поставить собственную жизнь на то, что Принц Сердец только что явился на вечер.

13

«Не оборачивайся».

«Не оборачивайся».

«Не...»

Эванджелина собиралась взглянуть лишь одним глазком. Просто чтобы убедиться, что он действительно здесь, что покалывающий кожу незримый холод не был вызван каким-нибудь невидимым призраком или дуновением ветра.

Первым делом ее взгляд устремился к арке. Джекс едва пересек ее, и туман, окутывающий лес снаружи, по-прежнему цеплялся за пряжки его сапог, пока он пересекал поляну.

Холод, ударивший в затылок Эванджелины, растекался вниз по шее и декольте. *«Что он здесь забыл?»*

С тех пор как она видела его в последний раз, Джекс сменил цвет волос на поразительный темно-синий оттенок. Если бы острые черты лица не были столь выделяющимися, Эванджелина, возможно, не узнала бы его настолько быстро. Но даже лицо его выглядело холоднее, чем раньше. Губы бога Судьбы превратились в две зловещие складки, глаза стали ледяными, а идеальная кожа – еще более мраморной, чем ей запомнилась, – бледной, гладкой и непроницаемой.

В церкви еще присутствовал намек на извращенную игривость, которая смягчала некоторые его безжалостные черты. Но все исчезло. Он чего-то лишился с тех пор, как она видела его в последний раз: будто раньше в нем была частица человечности, а теперь не осталось и ее. Теперь он был Мойрой целиком и полностью, и Эванджелине нужно было позаботиться о том, чтобы бог не обнаружил ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.